

Ночь последнего дня

Автор:

Татьяна Полякова

Ночь последнего дня

Татьяна Викторовна Полякова

Одна против всех #1

Я его не люблю, я его ненавижу! Однако продолжаю работать на ненавистного мне Ника, а также... спать с ним. Но я верю: придет время, и мне удастся избавиться от него. Самое смешное, что знает это и сам Ник. Его дьявольски изощренный ум изобретает множество способов держать меня рядом с собой. И среди них есть безотказный: шантажировать меня, угрожая жизни самого дорогого мне человека, подруги Машки, ради которой я готова на все... Поэтому приходится подчиняться. Но вот зачем я ему? Неужели только для того, чтобы... грамотно «подставить», свалив на меня ответственность за все свои грехи? А грехов за Ником числится много, очень много...

Татьяна Полякова

Ночь последнего дня

Чисто вымыты стекла зрачков,

Руки пахнут винтовкой Мосина,

У тебя больше нет врагов,

Ты сама их сегодня бросила.

Слова из песни «Время свободы».

Группа «Два самолета»

– Дождь, – с прискорбием констатировала я, выйдя из кинотеатра.

Осень выдалась на редкость дождливой. Я поежилась, застегнула куртку и свернула в ближайший переулок, намереваясь добираться домой пешком. Перспектива вымокнуть под дождем не пугала, да и торопиться не было смысла. Еще один вечер, который сменит бессонная ночь.

Бессонница вконец меня измотала. Засыпала я обычно под утро, а то и вовсе днем, причем зачастую в самое неурочное время. Теплое молоко на ночь, таблетки – чего я только не пробовала, в том числе и излюбленный народный способ: сто грамм водки, лучше двести. Водка на меня не действовала. Напиться до бесчувствия мне никогда не удавалось. Обычно это кончалось приступом головной боли при абсолютной ясности мысли. Бутылка водки, которую я держала в холодильнике, закончилась, а новую я так и не купила. Оставалось кино по вечерам и долгие прогулки по ночному городу. Но фильм я смотрела уже дважды на этой неделе, а прогулка под дождем вышла малоприятной. Придется все-таки идти домой. Включу телевизор и буду перещелкивать каналы или читать Агату Кристи. Иногда она усыпляет.

Дождь набирал силу, я укрылась под козырьком ближайшего подъезда. Привалясь спиной к железной двери, я таращилась во двор, заросший кустами, и разглядывала лужи, слабо мерцающие при свете одинокого фонаря. Минут через двадцать дождь стал стихать, и, воспользовавшись этим, я бросилась к дому бегом.

До подъезда оставалось метров триста, когда у меня зазвонил мобильный. Я достала его из кармана и взглянула на определитель номера. Звонил Ник, и меня вдруг неприятно поразила мысль, что его звонок особых эмоций не вызвал. Черт-те что. Кто бы мог подумать? Ведь еще три года назад каждое появление Ника в моей жизни вызывало животный ужас.

– Привет, – сказал он нараспев. Голос у него тихий и вкрадчивый, у меня не раз возникала ассоциация со змеиным шипением. Голос звучал обманчиво-ласково, но сейчас особой ласки в нем не слышалось, и я решила, что не все так скверно в моей жизни. – Как фильм? – спросил Ник, точно именно это его и интересовало. Его осведомленность о том, как я провожу время, давно не вызывала удивления.

– Интересный, – ответила я.

– В самом деле? Надо будет как-нибудь составить тебе компанию.

Представить Ника в кинотеатре было выше моих сил, и я решила, что это из тех намерений, которые никогда не претворяют в жизнь.

– Есть дело, – продолжил он. – Загляни ко мне.

«Ко мне» – это значит в заднюю комнату казино «Олимпия», которую Ник сделал своей штаб-квартирой. А меня вновь поразила мысль, что при словах «есть дело» я не испытываю никаких чувств. Все-таки забавное человек существо – способно привыкнуть практически ко всему.

– Я без машины, – ответила я. – Появлюсь минут через двадцать.

– О'кей, – согласился Ник, решив быть покладистым. Я сунула телефон в карман и направилась в сторону проспекта ловить такси.

Я попросила водителя свернуть в переулок, предпочитая появиться в казино с черного хода. Металлическая дверь была снабжена звонком, я позвонила и стала ждать. Открыл мне дюжий парень из охраны, кивнул и пропустил внутрь, с неудовольствием наблюдая, как я оставляю цепочку мокрых следов на мраморном полу.

– Где ты так вымокла? – спросил сердито.

– Пыталась утопиться, – ответила я. – Но тут Ник позвонил, пришлось отложить на завтра.

– Он злой, как черт, – предупредил парень, потому что, несмотря на свою отталкивающую внешность, был в сущности неплохим человеком.

– Придется мне это пережить, – пожала я плечами.

Никита Полозов, или просто Ник, был личностью мифической, как греческие герои, и умел вызывать уважение граждан, вольное или невольное. Последнее было гораздо чаще. О нем ходили легенды, одна страшнее другой. Теперь я знала, что многие из них гроша ломаного не стоили, а многие он придумал сам. Но тот факт, что смельчаки, не желавшие идти навстречу Нику, очень недолго после этого топтали землю, сомнений не вызывал. Ник невероятно злопамятен, изобретателен и терпелив. И цели достигал всегда. Или почти всегда. По крайней мере, я не помнила случая, чтобы он не сумел отыграться на врагах или тех, кого считал таковыми.

Узким коридором я прошла к большой комнате с приоткрытой дверью и заглянула туда на всякий случай. Ник часто проводил здесь время, когда у него была к тому охота. Весь пол здесь застелен матами, вдоль противоположной стены зеркала. Ника не было, и я вздохнула не без облегчения. Он дважды ломал мне руку просто потому, что решил: я была недостаточно внимательна во время занятий. Его уроки не прошли даром, но сегодня я не была расположена демонстрировать свои бойцовские качества, направились дальше к штаб-квартире и вдруг услышала из-за ее двери чьи-то всхлипывания. Всхлипывания прервал оглушительный хохот. Я вдруг непроизвольно поежилась, вспомнив свое первое посещение этой комнаты, но тут же призвала себя к порядку. Сделала еще шаг и толкнула дверь. Прямо передо мной в кресле сидел Арнольд – жирная туша сотрясалась от рыданий, по круглому безвольному лицу с большим рыхлым носом и крохотными ярко-алыми губами катились слезы, прокладывая светлые бороздки на щеках. Он вытирал их платком, большим и грязным, но они тут же появлялись вновь. Ник устроился на диване по соседству и, вытянув ноги, с душевным сочувствием наблюдал за Арнольдом. В комнате было еще трое: Витька Горохов, которого все называли Горох, Игорь Солодов и неизменный спутник Ника Денис Хворостов по кличке Розга, которого некоторые горячие головы даже считали другом Ника. Разумеется, лишь те, кто допускал абсурдную мысль, что у Никиты Полозова могут быть друзья. У меня достаточно здравого смысла, чтобы понять всю нелепость данного утверждения.

– О, Железная Леди, – первым заметил меня Горох и подмигнул.

Дурацким прозвищем я была обязана все тому же Нику. Он повернулся ко мне и спросил:

– Где тебя носит? Рискуешь пропустить все самое интересное.

Я пожала плечами, приглядываясь к Нику и пытаюсь сообразить, чего следует ждать от жизни. Ник был чуть выше среднего роста и средней комплекции, чем вводил в заблуждение некоторых неразумных здоровяков, привыкших полагаться на свою недюжинную силу. Большинство из них после встречи с ним становил ись калеками, те, кому повезло больше, на глазах умнели и зарекались судить о человеке по внешности. Впрочем, внешность у Ника была выдающаяся, я имею в виду физиономию. Никогда раньше мне не доводилось видеть у людей таких глаз. Очень светлые, скорее голубые, чем серые. Ника можно было бы принять за слепого из-за отсутствия какого-либо выражения в них. Я находила сравнение с бутылочным стеклом наиболее удачным. Узкое лицо, без намека на румянец, загар к нему тоже вроде бы не приставал, тонкий нос, как клюв хищной птицы, и узкие губы, больше похожие на кривой шрам, чему способствовала привычка ухмыляться, вздергивая верхнюю губу. На редкость скверная рожа. Хотя, когда требовалось, Ник умудрялся выглядеть почти симпатичным. Говорил он всегда тихо. Кстати, неплохой тактический ход. Когда он начинал говорить, все замолкали. Думаю, он много работал над собой, создавая определенный имидж, но считать его выпендрежником мешал тот факт, что Никита Полозов был по-настоящему опасен.

– Здравствуй, лапочка, – очень ласково сказал он, взял меня за руку, притянул поближе и поцеловал куда-то в подбородок.

К его выкрутасам я давно привыкла, плюхнулась рядом, удостоившись полного ненависти взгляда Арнольда: женщин он терпеть не мог, а так как другой по соседству не было, то весь его гнев обрушился на меня.

– Похоже на большое горе, – констатировала я.

– Еще бы, – кивнул Ник. – Мы на грани самоубийства. Пашка нас покинул. Навсегда. Арнольдик клянется отомстить изменнику.

– На кого этот подлец променял тебя? – с невольной усмешкой спросила я, просто чтобы принять участие в разговоре, хотя страдания Арнольда меня не интересовали, но Нику могло не понравиться мое молчание, вот я и старалась.

В ответ Арнольдик разразился бурными рыданиями. Ответил за него Ник.

– Он нашел себе какого-то мальчишку лет семнадцати, уже снял для него квартиру. Мальчишка целыми днями отирается возле зимнего сада с рыжей таксой. Пашка в нем души не чает и дал Арнольдiku полный расчет. С разделом имущества.

– Я хочу, чтобы этому поганцу перебили ноги, – перестав хныкать, заявил Арнольд.

– Ну, так какие проблемы? – усмехнулся Ник, и Арнольдик решил зайти с другой стороны.

– Поговори с Павликом, – жалобно попросил он. – Скажи, чтобы он ко мне вернулся. Тебя он слушает.

– Я не вмешиваюсь в сердечные дела, – хмыкнул Ник. – Любовь такая штука... приходит и уходит. Разбирайтесь сами. Катись отсюда, – совсем другим тоном заявил он. – Ты мне надоел.

Арнольд поспешил извлечь свою тушу из глубокого кресла, точно зная, что дважды Ник повторять не любит, и торопливо удалился.

Впервые застав Ника в компании жирного гомосексуалиста, я поначалу очень удивилась, пока не поняла, что Арнольд являлся ходячей энциклопедией злочных мест и людских пороков. В его сплюснутой голове, в мозгах, заплывших жиром, были сотни имен, событий и чужих слабостей. Он знал о многих людях такие интимные подробности, что мог быть по-настоящему опасен, если бы не его крайняя осторожность. Их союз с Ником был плодотворным и выгодным для обоих. Когда Нику требовался компромат на кого-то, он обращался к толстяку, и у Арнольда всегда для него что-нибудь находилось (несмотря на внешность и нетрадиционную ориентацию, дураком он не был, а в придумывании, как заманить человека в ловушку, ему и вовсе не было равных). Близкое знакомство с Ником избавляло его от издевок и служило залогом всеобщего уважения, по крайней мере, открыто его оскорблять никто не рисковал.

Как только за Арнольдом закрылась дверь, Ник обвел взглядом всю компанию. Парни убрали с физиономий дурацкие ухмылки и теперь всем своим видом демонстрировали внимание. Разумеется, я тоже.

– Завтра утром отправляем груз, – сказал Ник, прошелся по комнате, достал пиво из холодильника и кивнул мне: – Ты поедешь.

Вообще-то в круг моих обязанностей это не входило, и я спросила:

– Почему я?

Ник взглянул исподлобья, и вопрос был снят с повестки дня. Но тут подал голос Розга.

– Мы вчетвером поедем? – спросил неуверенно.

– Ты мне здесь нужен, – наливая пиво в стакан, ответил Ник. – Втроем справятся. – Парни переглянулись, но обошлись без комментариев. – Завтра в шесть утра. Все как обычно. А теперь по домам, дети мои. Вас ждут великие свершения.

Парни направились к двери, я тоже поднялась, но Ник меня остановил:

– Сядь.

Я плюхнулась на диван. Розга, глядя на меня, пожал плечами, пользуясь тем, что Ник стоит к нему спиной. Данный жест мог означать примерно следующее: черт знает, что на него нашло. Ясно, что перспектива отправиться завтра с грузом в моей компании нравится парням так же, как и мне, но спорить с Ником себе дороже. Когда они ушли, Ник повернулся ко мне и спросил хмуро:

– Тебя опять вышибли с работы?

Разумеется, я не питала иллюзий, что он о данном факте моей биографии не узнает, но не ожидала, что это произойдет так скоро. Ответить было нечего, и я развела руками. Но так как Ник продолжал смотреть на меня, буркнула:

– Мне она осточертела.

– Скажите, пожалуйста, – ухмыльнулся он. – И что ты теперь намерена делать? Только не надейся, что я тебя опять куда-нибудь пристрою.

Я тяжело вздохнула, демонстрируя тоску и отчаяние. На этой чертовой работе Ник просто помешался. Он считал, что все мы непременно должны где-нибудь работать, платить налоги и прочее, то есть выглядеть добропорядочными гражданами. Сам он числился экспедитором в какой-то фирме. Не знаю, кому он пытался заморочить голову, разве что себе. В определенных кругах Ник был хорошо известен, а в правоохранительных органах тем более, так что оставалось лишь гадать, зачем ему был нужен этот маскарад.

Последний раз он пристроил меня продавщицей в универмаг. Торчать целый день за прилавком, растягивая рот в дурацкой улыбке, в мои планы не входило, и я приложила максимум усилий, чтобы хозяин от меня поспешил избавиться. Я сумела так его допечь, что он выгнал меня, наплевав на возможный гнев Ника.

– По мне хоть с голоду подохни, я палец о палец не ударю, – продолжал ораторствовать Ник.

Всерьез в такую перспективу я не верила, кое-какие деньги у меня были, трачу я очень мало, так что голодная смерть мне не грозит.

– Да ладно, – промямлила я, потому что он ждал ответа, и опять вздохнула.

– Чтобы в понедельник устроилась на работу, – сурово отрезал он. – Не то башку оторву.

Вот в этом я не сомневалась и с готовностью кивнула, кашлянула и поправила робко:

– Во вторник.

– Почему во вторник? – нахмурился он.

– На понедельник у меня есть планы, а во вторник устраюсь. Честно. Я уже кое-что подыскала. – Очень хотелось избежать подробных расспросов, потому что я, разумеется, врала. Спросит – придется что-то сочинять на ходу, Ник это сразу поймет, и хорошей головомойки не избежать. Он посверлил меня взглядом и кивнул соглашаясь, что позволило мне перевести дух. Его настроение сегодня я бы охарактеризовала как стремящееся к хорошему, чем и объяснила

необыкновенную покладистость, потому что он вдруг заявил:

– Работа продавщицы тебе так же подходит, как корове седло. Надеюсь, ты найдешь что-нибудь получше. – Он замолчал, а я, выждав немного, спросила:

– Я могу идти?

– Хочешь пива? – задал он вопрос.

– Нет, спасибо.

Ник подошел ко мне сзади, наклонился и поцеловал мое плечо, оттянув вырез футболки. Хотя он, на мой взгляд, слишком часто бывал в моей постели, мне бы в голову не пришло считать его своим любовником. Это и ему вряд ли приходило в голову. К сексу с некоторых пор я относилась как к чему-то малоприятному, но неизбежному. Как правило, идея заняться со мной любовью являлась Нику, когда он был чем-то раздражен, и уж тогда даже чокнутый не стал бы называть свое удовольствием, потому что дурное расположение духа, а также свою злость Ник срывал на мне. По утрам я обычно разглядывала синяки на своем теле, мысленно обзывая его уродом, сукиным сыном и поганцем. Было время, когда я Ника ненавидела так сильно, что однажды поклялась, что когда-нибудь убью его. Случилось это несколько лет назад. Тогда Ник точно задался целью довести меня до состояния, когда человек съезжает с катушек. На издевательства он был мастер, фантазией обладал богатой, особенно в постели. И награждать меня синяками и оплеухами стало для него любимым занятием. Я ненавидела его и боялась до судорог, при одном упоминании его имени меня начинало колотить, точно в ознобе. Но однажды я, к собственному удивлению, вдруг смогла избежать удара, ловко увернувшись. Ника это тоже удивило, причем так сильно, что вторичного тычка я не дождалась. На следующий день все повторилось. Ходить с разбитой рожой мне надоело, и я принялась хитрить и уворачиваться. Сама мысль о том, что я могу это сделать, необыкновенно вдохновила: не так-то уж Ник и ловок.

Вскоре это превратилось в некую игру. Я уворачивалась, он пытался меня поймать. Иногда везло ему, иногда мне. С головой у меня уже тогда наметились проблемы, потому что в какой-то момент я поняла: игра доставляет мне удовольствие, и даже боли от тычков я не чувствовала, уверенная, что в следующий раз смогу взять реванш.

В один прекрасный момент, когда кулак Ника просвистел в сантиметре от моего уха, он повел себя неожиданно. Для начала рассмеялся. До того мгновения я не подозревала, что он способен смеяться не издевательски, а весело и даже заразительно, и слегка прибалдела от такого зрелища...

– А ты молодец, – сказал Ник. – Пойдем, покажу тебе пару приемов. – И повел меня в комнату с матами.

По большому счету, я ничего не выиграла, потому что тренером он был жестоким, и теперь мне доставалось даже больше, но издевки вдруг прекратились. Дружки его тоже присмирели. Особенно после того, как не в меру распоясавшийся Горох схлопотал от меня так, что минут десять скромно лежал в уголке возле кладовки. Разумеется, я об этом факте благоразумно молчала, и он оповещать друзей не стремился, но как-то так вышло, что парни уgomонились, рук не тянули и вообще оставили меня в покое. Я прекрасно сознавала, что этим обязана Нику. Так что наши с ним отношения назвать простыми никак нельзя. Я его, конечно, и сейчас терпеть не могла, но совсем не так, как раньше. И даже находила в нем положительные стороны. По-своему он был даже справедлив. Я подозревала, что Никита Полозов далеко не худший представитель человеческого племени, и все реже представляла картину, которая не так давно грела душу: вот он лежит с простреленной башкой у моих ног в луже собственной крови и испускает дух вместе с горестным стоном.

– Что это за тип, с которым ты болталась в «Черном коте»? – спросил он, все еще стоя за моей спиной.

– В субботу? – уточнила я.

– В субботу, в субботу.

– Просто парень, – пожала я плечами. – Зовут Серегой. Познакомились в магазине, он пригласил меня в клуб. А что?

– Ничего, – ответил Ник и, обойдя диван, сел рядом.

– Он тебе чем-то не понравился? – все-таки спросила я.

– Нет, ради бога. Я рад, что ты весело проводишь время. Ну что, рыбка моя, двигай домой. Завтра у тебя тяжелый день.

По неведомой причине Ник терпеть не мог мое имя, хотя оно у меня самое обыкновенное – Юлия, и вечно придумывал мне дурацкие прозвища. «Рыбка моя» он произносил с такой издевкой, что сразу подмывало утопиться. Моя фамилия раздражала его еще больше, она довольно редкая, но тоже ничего особенного. Я предложила Нику называть меня Немо, но идея ему не показалась стоящей, так что я ходила в рыбках, зайках, детках, милашках и лапочках. Но сейчас мне было плевать на все это, меня очень занимало одно обстоятельство. Занимало до такой степени, что я, против обыкновения, решилась спросить:

– Почему все-таки я?

Вопрос сподвиг Ника на раздумья. Он поднялся, прошелся по комнате, прихлебывая пиво, и наконец ответил:

– Мне кое-что не нравится. Я хочу, чтобы ты пригляделась к парням. Груз надо доставить, и я на тебя рассчитываю. Если честно, доверять я могу только тебе.

То, что Ник никому не верит, для меня не новость, а вот то, что он доверяет мне, повергло в столбняк.

– Чего вылупилась? – усмехнулся он. – Думаешь, я не знаю, что ты спишь и видишь мои торжественные проводы с этого света на тот?

– Ну, если ты хочешь моей откровенности...

– Хочу, – вновь усмехнулся он.

– Это выглядит довольно проблематичным, но иногда я думаю: вдруг мне повезет.

Теперь он засмеялся.

– Вот-вот. По крайней мере, мы уважаем друг друга.

– Ты это серьезно? – не удержалась я.

– Вполне. В твоих теплых чувствах я не сомневаюсь, было бы странно, вспылай ты ко мне большой любовью, но я уверен: ты будешь играть по правилам. Ты же знаешь, что я сделаю с твоей Машкой, вздумай ты хоть раз дернуться.

– Знаю, – согласилась я.

– Вот видишь. Она – лучшая гарантия твоей лояльности. А эти крысы насквозь продажны. К тому же все, как один, идиоты. И у меня есть подозрение, что кто-то из них работает на дядю.

– На какого дядю? – буркнула я в замешательстве, получилось довольно глупо.

– А вот это нам и предстоит выяснить. В группе ты за старшего. И за груз отвечаешь головой. Все ясно?

– Не очень. Но суть я уловила, особенно насчет головы.

– Тогда проваливай. – Я поднялась и направилась к двери. – Спокойной ночи, моя красавица, – сказал он вдогонку. – Тебя уже не мучают кошмары?

– Значительно реже. Я с ними борюсь.

Я прикрыла за собой дверь и пошла к служебному входу. Тот же охранник выпустил меня, и я оказалась под дождем. Мелкий, надоедливый, он сразу начал действовать на нервы. Я подумала остановить такси, но вместо этого побрела к дому пешком.

Над словами Ника стоило подумать, а в своей квартире я впадала в вялотекущую панику и размышлять здраво была не способна. Мысли, которые посетили меня, особой оригинальностью не блистали, и в конце концов я решила, что Ник наводит тень на плетень с неясной для меня целью. Вообразить, что кто-то из его людей работает на дядю, как он выразился, было невозможно. Разумеется, если этот или эти «кто-то» не потенциальные самоубийцы. Насчет их глупости в самую точку, а вот все остальное... Насколько я знала, а знала я очень мало, сам Ник работал на типа по фамилии Долгих. Тот чувствовал себя в городе

полновластным хозяином благодаря своим деньгам и положению и с потенциальными врагами не церемонился. Так что прежде, чем становиться его врагом, следовало хорошо подумать. Я угодила в очередную лужу, разозлилась и послала Ника, его загадки и свои размышления к черту.

Уснула я под утро, и, как мне показалось, через мгновение после этого зазвонил будильник. Я с трудом подняла голову, включила настольную лампу и минут пять пялилась в потолок. Через полчаса я покинула квартиру, на ходу дожевывая бутерброд с сыром. Моя машина была на стоянке в двух кварталах от дома. Сторож, пожилой дядька, большой любитель поболтать, завидев меня, вышел из будки.

– Здравствуй, Юля. Куда собралась так рано?

– Подругу надо встретить из аэропорта, – ответила я.

– Дело хорошее.

Он открыл ворота, и я на своей выдавшей виды «девятке» выехала с территории стоянки.

Путь мой лежал в пригород. Без десяти минут шесть я подъехала к бывшей базе лесхоза, которую то ли купили, то ли арендовали хозяева Ника. Возле грузовика стоял Игорь, переминаясь с ноги на ногу и недовольно хмурясь.

– Привет, – сказал он, когда, покинув свою машину, я подошла ближе.

– Привет. Горох еще не подъехал? – Вопрос излишний, его машины не было.

– Время еще есть, – взглянув на часы, ответил он.

Утро выдалось холодное, мы зябко дергали плечами. Еще раз взглянув на часы, Игорь залез в кабину и завел мотор. Я решила, что мерзнуть мне ни к чему, и к нему присоединилась.

– Где носит этого придурка? – проворчал он. Я достала телефон и набрала номер Гороха.

– В зоне недосягаемости, – пожала я плечами, услышав сообщение.

– Дрыхнет, наверное, и мобилу вырубил.

Еще пятнадцать минут мы терпеливо ждали. Игорь начал злиться, а я задремала.

– Позвони еще раз, – позвал он. Я опять набрала номер. С тем же результатом. – Ну, придурок, Ник ему башку оторвет.

– Что будем делать? – позевывая, спросила я.

– Подождем еще минут десять, может, появится.

Горох не появился.

– Придется звонить Нику, – сказала я. Перспектива не вдохновляла, но делать нечего.

– Звони, – кивнул Игорь.

Ник ответил сразу. Голос недовольный, что вполне естественно, если человека поднимают с постели ни свет ни заря.

– Что там у тебя? – спросил он.

– Горох до сих пор не появился, – доложила я.

– Он что, спятил?

– Вероятно, – не стала я спорить.

Ник раздумывал с минуту.

– Отправляйтесь вдвоем. Я сейчас позвоню Денису, он будет ждать вас на выезде из города.

Я захлопнула крышку мобильного и посмотрела на Игоря. Разговор он слышал, кивнул и не спеша тронулся с места. Игорь молчал и хмурился, должно быть, гадал, что случилось с Горохом. Разумеется, можно предположить, что тот в самом деле спит и на звонки не отвечает, но, честно говоря, у меня это вызывало сомнение. Как я уже сказала, иметь дело с Ником вовсе не сахар, так что, если парень спит, ему стоит позаботиться о своем здоровье, пока не поздно.

– Может, заедем к нему, узнаем, в чем дело? – не выдержал Игорь.

Я посмотрела на часы.

– Времени нет. Выбьемся из графика. И Ник велел забрать Розгу.

Денис ждал нас возле указателя. Он приехал на такси, злой, заспанный, и принялся демонстрировать нам свое раздражение.

– Меня уже задолбали риторические вопросы, – предупредила я. – Поезжай к Гороху и узнай, в чем дело. Или заткнись.

Парни переглянулись, но замолчали, чему я порадовалась.

Первые сто километров я дремала, свесив голову на грудь. Ник не звонил, я решила, что вполне могу устроиться со всеми удобствами, и перебралась на спальное место. Никаких сюрпризов я не ждала, по крайней мере, пока мы не пересекли границу области. По трассе все менты купленные, и тормозить машину, а уж тем более проверять никому из них в голову не придет. Это был обычный рейс, и я была абсолютно уверена, что уже завтра окажусь дома и думать забуду о поездке. Оттого все последующее явилось для меня полной неожиданностью.

Мы обогнали «КамАЗ», который еле плелся, и впереди увидели милицейскую машину, двое сотрудников ГАИ паслись возле нее. Один из них взмахнул жезлом, предлагая остановиться.

– Ты их знаешь? – спросила я Игоря, кивнув на гаишника. Игорь ездил здесь не первый год и в силу специфики своей работы знал абсолютно всех сотрудников ГАИ, разумеется, они его тоже.

– Нет, – покачал он головой. – Впервые вижу.

– Может, новенькие? – предположил Розга.

– Оба? – притормаживая и явно не зная, что делать дальше, ответил Игорь. – Ну, что? – нетерпеливо спросил он.

– Тормози, – кивнула я, и Розга со мной согласился.

– А ты задерни занавеску, – сказал он мне, – чтобы внимание не привлекать.

Я так и сделала. Машина замерла, Игорь открыл свою дверь, и я услышала голос инспектора. Он представился, спросил документы. Вроде бы ничего особенного.

– Что везете? – продолжил гаишник. Игорь объяснил. – Откройте фургон.

Мы переглянулись, Игорь все-таки вышел из кабины.

– Странно, – произнес Розга. – Или они...

Договорить он не успел, грохнул выстрел, потом сразу второй.

– Черт! – выругалась я.

Розга схватил автомат, который был укрыт под сиденьем, а я перебралась на сиденье водителя. Ранее управлять грузовой машиной мне не приходилось, но сейчас не было другого выхода. Машина дернулась, в зеркало я увидела два тела на асфальте. Второй инспектор бросился к машине, но очередь из автомата Розги его достала, и он упал, не добежав до нее пары метров. Тут выяснилось, что ментов было трое, и теперь этот третий, укрывшись за машиной, открыл стрельбу. Занятие довольно бессмысленное, если учесть расстояние, которое все увеличивалось. На счастье, дорога была пуста, «КамАЗ», который мы обогнали, успел проехать, так что свидетели баталии отсутствовали. Но

выстрелы наверняка слышали, к тому же тот, кто укрылся за машиной, вполне мог успеть позвонить. Розга, который под прикрытием грузовика нырнул в кювет и смог тем временем подобраться к гаишной машине с тыла, дал очередь, и выстрелы с той стороны прекратились. С трудом я сдала назад. Розга, наклонившись над трупом, выворачивал карманы милицейского кителя. Меня больше интересовал Игорь, и я крикнула:

– Что там с Гошей?

– Ранен, – ответил Розга.

Покидать кабину я не рискнула и поторопила его:

– Хватит возиться, уходим.

Игорь был без сознания, Розга с трудом поднял его с земли и потащил к кабине. Вдвоем мы устроили его на спальнике, и я тронула с места – впереди как раз возникла вереница машин. Одной рукой управлять грузовиком я не могла и сказала:

– Набери Ника.

О том, чтобы продолжать поездку, не могло быть и речи. Надо срочно укрыть машину и попытаться разобраться в происшедшем.

– Черт, занято! – выругался Розга, в очередной раз набирая номер. Я свернула на лесную дорогу, а он заорал: – Ты что, спятила?

– Успокойся, я знаю эти места. Выйдем возле Юрьина, там есть где укрыться.

Розга вроде бы успокоился, по крайней мере, когда докладывал Нику о происшедшем, смог изъясняться вполне внятно. Изрядно намучившись на лесной дороге, которую и дорогой-то мог назвать лишь заядлый оптимист, мы выехали к деревне Юрьино, где на окраине находились склады фирмы «Конти». Там нас уже ждал Ник. Мы загнали машину в ангар, Ник открыл дверь с моей стороны (за руль, лишь только мы углубились в лес, пересел Розга) и сказал без намека на издевку:

– Добро пожаловать.

– Игорь без сознания, – сообщила я. – Я его перевязала, но...

Ник забрался в кабину, отдернул занавеску, взглянул на приятеля, потом не спеша достал пистолет и выстрелил. Розга испуганно посмотрел на меня, а Ник, покидая кабину, спросил:

– Кто-нибудь против?

Разумеется, мы скромно промолчали, правда, кое-какие мысли бродили в моей голове, и я, не удержавшись, задала вопрос:

– Может, стоило привести его в чувство и кое-что выяснить?

– Вряд ли, – пожал Ник плечами. – В смысле чувств. Парень был не жилец, до больницы мы его не довезли бы, лишнее беспокойство. Ну, так что произошло?

Я повернулась к Розге, надеясь, что он объяснит Нику, что случилось на дороге, потому что я, по большому счету, ничего не видела.

– Менты нас тормознули, – начал Розга свой рассказ. – Сам понимаешь, это насторожило. Велели открыть фургон. Игорь пошел... Я смотрел в зеркало, но они были с другой стороны... короче, кто выстрелил первым, не знаю.

Я слушала, время от времени согласно кивая. По физиономии Ника определить, как он отнесся к рассказу, не представлялось возможным. То, что произошло, вряд ли ему понравилось, и хотя груз цел, мы вполне могли последовать за Игорем. Оттого Розга особо подчеркнул пустынность дороги, наши слаженные действия и элемент неожиданности.

– Документы у них были? – задал вопрос Ник.

– В карманах ничего.

– Думаешь, ряженые? – Вопрос адресовался мне, я пожала плечами.

– Гоша их раньше не видел. Вполне могли быть и ряженные, но...

– Но? – повторил Ник.

– Если кого-то интересовал груз, неразумно было отправляться втроем. Разместили бы вдоль дороги пару стрелков, те, кто в форме, притормозили машину, и нас бы тихо сняли. И уж точно не следовало оставлять нас в кабине без присмотра.

– Трех вполне достаточно, – заговорил Розга. – Один пошел с Гошей, один был у машины, а третий вообще скрывался. Может, у них был неплохой план, но все пошло не так.

– Надеюсь, это просто придурки, которые решили подзаработать, – мрачно изрек Ник. – Потому что, если менты настоящие...

Продолжать ни к чему. Если менты настоящие, замять происшедшее будет нелегко. Возможно, отработанный маршрут придется оставить, с ущербом для бизнеса, и за это кто-то должен ответить. Перспективы вырисовывались скверные. Оттого Розга чувствовал себя не в своей тарелке и все норовил заглянуть Нику в глаза. Тот о чем-то размышлял. Назвав парней придурками (в том случае, если они действительно ряженные), он был совершенно прав. Репутация Ника плюс положение его хозяев легкой добычи не обещали. Парни либо в самом деле идиоты, которые просто не представляли масштабов собственного риска, либо были уверены, что с ситуацией справятся, то есть их хозяева считали, что смогут потягаться с нашими. Мысль представлялась мне фантастической, но как знать. Допустим, собрать необходимые сведения о транспорте при известном старании не так уж и сложно, однако... Тут выяснилось, что наши мысли с Ником были схожи, потому что он сказал:

– Допустим, они нас выследили... хотя я считаю, кто-то им помогал.

– Горох? – задал вопрос Розга. Такая же мысль пришла в голову и мне, но я предпочитала помалкивать, пока не спросят. Ни к чему демонстрировать перед Ником свою сообразительность. – Вот, сука, а я все думал, как это он умудрился проспать...

– Он спит так крепко, что удивляться не приходится, – заметил Ник. Его слова могли означать, что Ник сам отправил его на тот свет в сердцах, а могли и... Но тут он добавил: – Кто-то перерезал парню горло.

– Когда? – спросил Розга.

– Скорее всего ночью. Я ж не эксперт, – развел Ник руками. – Я поехал к нему утром и нашел в луже крови.

– Думаешь, это как-то связано с нападением?

– А ты что думаешь? – усмехнулся Ник.

– Да-а... дела. Не могу поверить, что кто-то...

– Давай прикинем, кто мог встать у нас на дороге?

Я не была уверена, что мне стоит участвовать во всем этом. По большому счету, мне наплевать, кто и почему подложил Нику свинью, точнее, не Нику даже, а его хозяевам. Меня беспокоила собственная шкура, а ее сохранность напрямую зависела от того, как тут все повернется. И я понятия не имела, что для меня лучше, что хуже, вот и не хотела забивать себе голову.

– Реально мог такое проверить только Архип, – после непродолжительных размышлений изрек Розга. – Каким-нибудь отморозкам узнать о транспорте все-таки невозможно. Разве только случайно.

– Или, к примеру, Горох подсказал, – кивнул Ник.

Розга посмотрел на него с сомнением.

– Он что, спятил? Я думаю, Архип больше подходит. Он мог организовать все это.

Об Архипе я, разумеется, не раз слышала. Психопат, вроде Ника, который считал себя очень крутым, создал свою группировку еще во времена перестройки, но, в отличие от тех, кто выжил в те времена, и не только выжил, но и кое-что нажил, не стал бизнесменом и честным налогоплательщиком, а оставался все тем же

бандитом. И вроде бы даже гордился этим. Архип, конечно, самая подходящая кандидатура, если только допустить мысль, что он готов затеять военные действия. Учитывая его потенциальных противников, можно смело утверждать: он спятил. Хотя, может, я многого не знаю, и у того же Архипа была убежденность, что в такой войне он выстоит. Разумеется, убежденность, на чем-то основанная. Хотя сейчас меня не Архип волновал и не его тайны, а то, смогу ли я покинуть это место, или меня тут же и прикопают.

Мои размышления были прерваны – кто-то посигналил у ворот. Ник направился в ту сторону, и вскоре я увидела грузовик в сопровождении двух джипов. Из машин высыпали сурового вида ребята, все, как один, вооруженные. Человек десять стали переносить груз из одной машины в другую, а здоровячок со шрамом на подбородке, расстелив карту на капоте джипа, обсуждал с Ником маршрут. Розга стоял возле грузовика и следил за погрузкой. Мне делать было нечего, оттого я устроилась под навесом, запахнула куртку и решила подремать.

– Медитируешь? – спросил Ник, подходя ко мне, когда погрузка была закончена.

– Пытаюсь уснуть.

– Да? А чем ночью занималась? – Вопрос можно было счесть риторическим, но мне он таковым не показался, особенно в свете недавней гибели Гороха.

– Не люблю рано вставать, – ответила я как можно естественнее, Ник кивнул и устроился рядом.

Вереница машин покинула склад. Сначала выехал джип, затем грузовик, снова джип, замыкала вереницу машина, на которой мы сюда прибыли, вел ее Розга. Должно быть, отгонит подальше и сожжет вместе с трупом. Хоть дорога и была пустынной, кто-то нас видел и непременно запомнил. Убытки, точнее – такие убытки, Ника не пугали, груз в фургоне стоил немалых денег, которые с лихвой окупят дополнительные затраты.

– Ну, что, – сказал Ник, поднимаясь, – и нам пора.

Если честно, я почувствовала себя неуютно. Может, я просто еще не в курсе и это последние минуты моего пребывания на грешной земле... моего грешного пребывания на земле, так, пожалуй, правильнее. Я встала, стараясь не смотреть

на Ника, мне не хотелось его радовать, не хотелось, чтобы он заметил страх в моих глазах. Я пошла впереди, спиной чувствуя его взгляд. Я уже стояла вплотную к его машине, а ничего не происходило. Ник распахнул дверцу со стороны водителя, сел и недовольно взглянул на меня.

– Я долго буду ждать?

Я устроилась рядом с ним, решив, что сегодня мне повезло. Впрочем, радоваться еще рано.

Мы выехали на шоссе, Ник ловко лавировал в потоке машин. Он продолжал размышления вслух, то есть гадал, кто мог подложить нам свинью, и даже интересовался моим мнением. Оно у меня отсутствовало, но я усердно изображала интерес и тоже поучаствовала в гадании.

Необыкновенная покладистость Ника настораживала, и я не спешила вздыхать с облегчением, даже когда машина оказалась в городе. На светофоре он свернул, и я озадачилась, куда мы едем. Вскоре мы оказались во дворе двенадцатиэтажного дома и притормозили возле первого подъезда. Я взглянула вопросительно, а Ник сказал:

– Здесь квартира Гороха.

Что тут понадобилось Нику, для меня загадка, раз, по его собственным словам, Горох нас покинул. Еще большая загадка, что тут делать мне. Ник вышел из машины, кивнув, и я тоже вышла. Кодовый замок на двери был сломан, в подъезде отвратительно воняло. Я невольно поморщилась, а мой спутник усмехнулся:

– В таких домах живут пролетарии, не самое подходящее место для профессорской дочери.

Профессорская дочка – одно из моих прозвищ, данных мне Ником. Впрочем, мой отец действительно профессор, преподает в университете. Ника это почему-то очень смешило, а мне на его насмешки было наплевать. Когда мы зашли в лифт, я все-таки спросила:

– Что ты собираешься делать в его квартире?

– Хочу, чтобы ты взглянула на труп. Вдруг появятся идеи.

– У меня сроду не было идей.

– Все когда-нибудь бывает в первый раз, – миролюбиво прокомментировал он, потом придвинулся ко мне и начал лапать. На мой взгляд, Ник чересчур увлекся. Очень может быть, что мы надолго зависнем между этажами, это, кстати, в его стиле. Но тут лифт замер, Ник от меня отлепился и спокойно покинул его, буркнув: – Шевелись.

Дверь квартиры он открыл своим ключом, на ходу объясняя:

– Когда я приехал утром, дверь была не заперта, ключи валялись на тумбочке.

– А если менты уже... – начала я, но он перебил:

– Горох пролежит здесь не один день, прежде чем кто-то хватится. Если только соседей не доконает вонь, но, судя по всему, они к ней привыкли.

Мы вошли в квартиру, Ник пропустил меня вперед.

– Где он? – спросила я, когда Ник запирает дверь.

– В кухне.

Горох лежал на полу лицом вниз. Ноги согнуты, точно он перед своей смертью стоял на коленях, правая рука откинута в сторону, левая под телом. Лица я не видела, вокруг головы лужа крови, которая успела загустеть.

– Ну, как тебе? – спросил Ник.

– Скверно, – пожала я плечами.

– В самом деле? – Он вроде бы удивился, что в свою очередь удивило меня.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, я подумал, что это зрелище должно тебя порадовать.

– С какой стати? – Я понятия не имела, куда он клонит, но почувствовала беспокойство.

– Я считал, ты не испытывала к парню добрых чувств. Мне даже казалось, что ты его ненавидишь. Разве не от него тебе больше всего досталось? По-моему, он тогда проявлял исключительную изобретательность.

Сообразив, о чем он говорит, я почувствовала, как холодок прошел по спине. Воспоминания, которых я тщательно избегала, мгновенно вернулись, и стало трудно дышать.

– На самом деле больше всех доставал меня ты, – зло ответила я. – Не знаю, что пришло тебе в голову, но к его смерти я не имею отношения.

– Конечно-конечно, – с готовностью согласился Ник. – Но я все-таки надеялся, что это зрелище тебя порадует.

– Ты сукин сын, – не выдержала я.

– Разумеется. Ну что, есть какие-нибудь соображения?

– Он знал убийцу. Иначе бы не впустил его в дом. – Ник согласно кивнул. Непонятно, зачем ему понадобилось выслушивать очевидное. – Он его не опасался, оттого и повернулся спиной. Единственное, что смущает, его поза.

– Да? А что в ней такого особенного?

– Похоже, Горох стоял на коленях, убийца подошел...

– Интересное соображение.

– Ага. С какой стати Гороху вставать на колени?

– Вдруг убийца был маленького роста? Допустим, он что-то уронил, Горох наклонился и... Куда ты отправилась вчера из казино? – быстро спросил Ник.

– Домой, – облизнув губы, ответила я.

– Да? Я звонил тебе через полчаса после твоего ухода. Дома тебя не было.

– Я шла пешком.

– Под дождем?

– Ну и что? Послушай, я не убивала этого придурка. И ты знаешь почему. Я бы не стала рисковать – во-первых. Он бы наверняка насторожился, явись я к нему среди ночи – во-вторых.

– Ты могла сказать, что тебя прислал я.

– Могла. Но он бы обязательно проверил. Меня его кончина не огорчила, но убивать его я бы не стала.

– Но и не стала бы возражать, если бы это сделал кто-то другой?

– Кто, к примеру? – Разговор мне не нравился, более того, слова Ника откровенно пугали.

– Человек, который был готов оказать тебе маленькую услугу в обмен на кое-какую информацию.

Если Ник был в чем-то уверен, переубедить его возможным не представлялось. Я поняла, что дела мои хуже некуда, и вздохнула.

– Что скажешь? – проявил он интерес, я пожала плечами.

– Я его не убивала, но тебе на это наплевать.

– Да ладно, – усмехнулся он. – Я пошутил. – На его губах блуждала усмешка, а я пыталась отгадать, как следует отнестись к его словам. – У тебя духа не хватит, чтобы выкинуть такое. – Он приблизился и, заглядывая мне в глаза, продолжил: – А ведь хочется?

– Еще бы, – сглотнув, ответила я. Врать Нику бесполезно, это я по опыту знала.

– Он был в твоём списке вторым номером? Первый, надеюсь, я, хотя, может, это тщеславие?

– Ты. – Я улыбнулась, пытаюсь перевести разговор в шутку.

– Так кто второй? – Он спрашивал серьезно и, судя по глазам, холодным и злым, ждал ответа.

– Горох, – почти шепотом сказала я. Ник улыбнулся.

– Спасибо за откровенность. Ну вот, он лежит возле твоих ног.

– Точно. Но это меня не радует. Бог знает до чего ты додумаешься и как это мне аукнется.

– Все нормально, дорогая. – Он обнял меня за плечи и привлек к себе. Я замерла, ожидая подвоха, а он, склонившись к моему уху, шепнул: – Кто следующий?

– Придурок, – не выдержала я, хотела высвободиться, но он мне не позволил.

– Так кто следующий? Игорь? Серега? Ну?

– Серега, – сказала я, лишь бы от него отделаться.

– Я думал, все-таки Игорь, – хохотнул он, отстраняясь. – Не припомню, чем тогда отличился Серега... Ах, ну как же...

– Может, мы пойдем отсюда? – спросила я.

– Покойный более не радует? Ладно, пошли. Дверь оставляю открытой и вызову ментов. Вдруг им повезет и они найдут убийцу?

Он высадил меня на площади, и до дома я добиралась пешком. На душе было скверно: дурака Ник валял или в самом деле подозревал меня, но перспективы вырисовывались мрачные. Подобные мысли могли прийти в голову не только Нику. А мое положение и так завидным не назовешь. Угроздило же этого придурка скончаться так не вовремя... Пожалуй, Ник прав, и его смерть как-то связана с появлением ментов на дороге. Вспомнив сегодняшнее происшествие, я поморщилась. Если они настоящие менты, даже думать не хочется, что нас ожидает. Хозяева вполне могут решить, что наша безвременная кончина – небольшая плата за причиненные хлопоты. А с подачи Ника все могло выглядеть так: я настучала ментам, а потом и Гороха зарезала, потому что бедолага что-то заподозрил. Глупость несусветная, но вполне сойдет. Для меня предпочтительнее, чтобы менты оказались ряжеными. Тогда логично предположить, что кто-то из супостатов вынудил Гороха поделиться информацией, а потом его убил. В любом случае нас ждут тяжелые времена. Не зря Ник психует, у него и в более спокойной обстановке крыша едет, враги всюду мерещатся, а теперь...

Я вошла в квартиру, буркнула: «Привет, команданте» – и включила свет в прихожей. Возле двери стояли Машкины туфли. У меня на мгновение замерло сердце, как у влюбленного при встрече с давно ожидаемой возлюбленной, но я заставила себя снять куртку, сбросила кроссовки и только тогда вошла в комнату.

Машка спала в кресле, подтянув ноги к подбородку.

«Если она спит, значит, ничего не случилось, – успокаивала я себя, устраиваясь на диване. – Просто у нее свободны несколько часов, вот и все». Машка проснулась, взглянула на меня и сладко потянулась.

– Салют, солнышко.

– Салют. Давно здесь?

– А который час?

– Почти пять.

– О господи, через час надо быть в офисе. – Она вытянула ноги и опять посмотрела на меня. – Где ты была?

– Совершила увлекательную прогулку за город.

– Серьезно?

– Ага.

– С кем?

– В одиночестве.

Машка присматривалась ко мне, как будто прикидывала, стоит верить или нет. Потом поднялась, вышла в кухню и вернулась с бутылкой шампанского и двумя бокалами. Я присвистнула.

– Что за праздник?

– Несчастливая, неужели забыла? – нахмурилась Машка. Судя по ее глазам, мое беспамятство ее действительно огорчило. – Сегодня твой день рождения.

– Черт, – удивилась я. – В самом деле... Спасибо, что помнишь.

– Конечно, помню. – Она открыла бутылку с громким хлопком, налила шампанское в бокалы и протянула один мне. – Поздравляю. Желаю тебе счастья. И не усмехайся, я верю, когда-нибудь мы будем счастливы. Ты будешь счастлива. Что-то произойдет, изменится, и ты обязательно будешь счастлива. Больше всего на свете я мечтаю об этом. Увидеть твои глаза такими, как раньше... У тебя самые красивые в мире глаза.

– Может, мы выпьем? – предложила я. Мы чокнулись и выпили.

– Загадала желание?

– Ага. Целых два, – кивнула я.

– Они исполнятся, вот увидишь.

– Конечно.

Машка села в кресло, посмотрела жалобно и тихо спросила:

– У тебя для меня что-нибудь есть?

Я подошла к буфету, выдвинула ящик и достала из-под салфеток маленький пакетик, подала его Машке. Она взяла, не глядя на меня, и отправилась в кухню. Она никогда не делала этого при мне, зная, какую боль я испытываю, видя, как она загоняет себя в гроб. Машка – наркоманка. Те, кто не в курсе нашей истории, считают нас сестрами. На самом деле никакие родственные узы нас не связывают.

Я познакомилась с Машкой лет в четырнадцать. Тогда шла подготовка к конкурсу красоты на звание какой-то там «мисс...», и я решила попытаться. Точнее, я не сомневалась, что выиграю, так как считала себя красавицей. Очередь выстроилась гигантская, дважды опоясав Дворец культуры, в котором проходил отбор. Увидев ее, я присвистнула и решила, что людям придется обойтись без моей красоты – никакие силы не заставили бы меня торчать на жаре несколько часов. Я шла вдоль вереницы девушек и вот тогда обратила внимание на Машку. На ней были туфли на высоченных каблуках, явно не ее размера, и огромная шляпа. Машка вертела головой, вызывая всеобщее недовольство, потому что народ стоял плотно и широкие поля били соседок по лицу. Одна из них не выдержала и сделала Машке замечание. Не скажу, что девица была особенно вежлива, но по сравнению с тем, что ответила ей Машка, девушка – сама интеллигентность. Последующие события я наблюдать не могла, так как продолжила свое движение вдоль очереди. Но, убедившись, что с той стороны проникнуть во Дворец культуры не представляется возможным, повернула назад.

К тому моменту перебранка плавно переросла в драку, и Машку вышвырнули из очереди, причем весьма грубо. Она летела на меня вслед за своей шляпой и непременно бы оказалась на асфальте, так как на высоких каблуках не только

ходить не могла, но даже стояла с трудом. Я приняла ее в свои объятия, что и не позволило ей свалиться.

Взглянув на меня со всей суровостью, на которую была способна, Машка вознамерилась штурмовать очередь. Я взяла ее за плечо и сказала:

– Всегда можно что-нибудь придумать.

С этой фразы началась наша дружба.

Теперь уже трудно сказать, что тогда подвигло меня на дальнейшие действия, я могла бы пройти себе мимо и забыть о ней через пять минут. Наверное, это было сродни любви с первого взгляда. Я вдруг сразу поняла, что она человек, встреча с которым предопределена мне где-то там, на небесах. Машка взглянула недоверчиво, но покорно пошла за мной, когда я кивнула. Мы отправились к служебному входу, где, разумеется, тоже была охрана. Но дабы не вводить девиц, жаждущих стать какой-то там мисс, в соблазн, двери были заперты, а эта самая охрана как раз за дверями и находилась. Мы устроились неподалеку и стали ждать. Вскоре появился парень, закурил, а я отправилась с ним побеседовать. В своих чарах я никогда не сомневалась, и мы с Машкой через десять минут оказались во Дворце культуры, парень провел нас на сцену, не реагируя на возмущенные возгласы других девчонок. Отбор я, конечно, прошла, а вот Машку забраковали. Надо сказать, тогда она выглядела гадким утенком, это теперь она настоящая красавица – высокая, темноволосая, с точеными чертами лица и васильковыми глазами. Машка здорово расстроилась, а я сразу охладела к конкурсу. Домой мы отправились вместе, Машка шла босиком, держа туфли в руке, а я несла ее дурацкую шляпу.

На следующий день мы встретились, долго болтались по городу и говорили обо всем на свете. Несмотря на болтливость, я отметила, что моя новая подруга существо довольно загадочное, то есть говорит охотно и много, но о себе, своей жизни помалкивает. Когда я пригласила ее в гости, она прошлась по квартире, с интересом заглядывая во все углы, и кивнула:

– Здорово. А предки у тебя кто? – Я ответила, что отец профессор, мама была преподавателем музыки, но умерла три года назад. – Значит, ты сирота? – На Машку это произвело впечатление, я к своему сиротству давно успела привыкнуть, пожала плечами, а Машка вновь кивнула.

Вскоре некоторая ее загадочность стала понятна. Машка жила в жуткого вида казарме на окраине, куда ее семейство поселили после того, как отчим по пьяному делу спалил дом. Машкина мать вместе с супругом здорово увлекалась выпивкой, Машка и ее старший брат были предоставлены сами себе, через год брат утонул, по обыкновению выпив лишнего. Несмотря на все это, Машка была неисправимой оптимисткой, ее нимало не смущало ни отсутствие обуви или теплой одежды, ни косые взгляды окружающих. Она ловко тырила в магазинах модные тряпки, пожимала плечами и объясняла:

– Я беру, потому что не могу купить. Когда я стану зарабатывать, буду помогать бедным и все верну.

– А если поймают? – с сомнением спрашивала я.

– Пусть попробуют, – беспечно отвечала Машка.

Я в ней очень нуждалась, хотя со стороны это, должно быть, выглядело иначе: Машка перебралась к нам с молчаливого согласия моего отца. Она носила мои тряпки, я помогала ей делать уроки и незаметно совала деньги на карманные расходы. В сущности, тогда я была очень одинока, так что неудивительно, что Машка стала для меня сестрой и самым близким человеком. После смерти мамы отец замкнулся в себе, молча переживая свою утрату. Он хмурился, когда я заговаривала о маме, и вскоре мы вообще перестали говорить. Два страдающих человека в большой квартире наедине со своей болью. Конечно, он любил меня, но собственные страдания поглощали его целиком, так что для меня места почти не оставалось. Он много работал, и мы даже виделись не часто. Ребенком я была беспроblemным, училась хорошо, занималась балетом и музыкой, отец искренне верил, что, дав мне денег и сварив кастрюлю щей на всю неделю, отцовский долг выполнил.

Ту первую зиму мы с Машкой были абсолютно счастливы.

В жизни отца появилась женщина, он этого почему-то стыдился и, собираясь на свидание, что-то неумело врал, отводя взгляд. Машка его рассекретила, я вознамерилась поговорить с отцом, что, мол, не возражаю и, напротив, рада, но ответом мне было ледяное молчание, и я сбилась где-то на середине фразы. И мы продолжили свою прежнюю жизнь: отец вроде бы сам по себе, а мы с Машкой сами по себе. А потом пришла весна, и вместе с ней первая любовь.

Девочки моего тогдашнего возраста влюбляются просто потому, что время настало, для этого вовсе не надо, чтобы объект их страсти отличался какими-либо особенными достоинствами.

Я влюбилась в Пашку до того, как впервые его увидела, чему, разумеется, немало способствовала его репутация сердцееда. Надо сказать, в нашем районе он был личностью известной. Красавец, умница, он налево-направо сорил деньгами, происхождение которых было окутано тайной. Он окончил спецшколу и свободно говорил по-французски, в то время как большинство штудировали английский, любил в разговоре ввернуть французские словечки и успешно копировал манеры Алена Делона, которого боготворил, правда, тайно. За что и заработал прозвище Француз.

Как-то майским вечером мы сидели с Машкой в парке и читали стихи Марины Цветаевой, которую я тогда обожала. Стемнело, мы таращились на звезды и принялись мечтать. Особой оригинальностью наши мечты, естественно, не отличались. Тут мимо прошла компания парней, нас они не заметили, к чему мы и не стремились, зато я обратила внимание на парня, задававшего тон в их разговоре. С веселым цинизмом он разглагольствовал о смысле жизни, а меня поразил его голос. Голос действительно заслуживал внимания – низкий, с хрипотцой (думаю, Пашка усердно над этим работал), он проникал в душу и устраивался там с удобствами. Я слушала, млея и глупея одновременно, а когда парни прошли и голос стих, Машка, понаблюдав за моей идиотски мечтательной физиономией, сказала:

– Француз.

– Что? – спросила я, выходя из транса.

– Этот парень. Кличка у него Француз. Страшный выпендрежник и задавала. Девки на него вешаются, а он только посмеивается.

– А имя у него есть?

– Конечно. Пашка Тимофеев. Он в спецшколе учился, нас на четыре года старше. Все девчонки от него без ума.

– А как он выглядит? – спросила я, потому что в темноте не очень-то его разглядела.

– Ален Делон. Нет, серьезно, ты фильм видела «Рокко и его братья»?

– Ну...

– Вот. Здорово похож. В «Колизее» старые фильмы крутят, так мы по пять раз на этот фильм ходили, и все сошлись во мнении, что практически одно лицо.

– Глупости, – отмахнулась я.

– А вот и нет, – обиделась Машка.

С того вечера мысли о Французе прочно обосновались в моей голове.

Весь следующий месяц дня не проходило, чтобы кто-то не напоминал мне о нем, все точно сговорились. Меня распирало от любопытства, и вместе с тем я испытывала страх: к тому моменту создав в воображении некий образ, я боялась встретиться с оригиналом и разочароваться.

На меня напала меланхолия, я бродила в парке, надолго замолкала, а Машка брела рядом и вздыхала, изо всех сил мне сочувствуя. Наше знакомство с Пашкой произошло только в августе. Мы вернулись из Турции (отец отправил нас туда со своей двоюродной сестрой) и, щеголяя умопомрачительным загаром, шли по улице, уплетая мороженое. И вдруг рядом остановилась машина, и кто-то весело спросил:

– Девчонки, не хотите покататься?

Разумеется, мы не хотели. Мы даже реагировать не собирались на это предложение до тех самых пор, пока Машка вдруг не шепнула:

– Француз.

Я повернула голову, рядом с водителем, парнем лет двадцати, сидел объект моего вожделения и улыбался. Особого сходства с Делоном я все же не

обнаружила, но с готовностью признала: Пашка исключительно красивый парень.

Наверное, я бы впала в столбняк, если бы Машка не ткнула меня локтем в бок. Я ожила, нахмурилась и ответила, кляня себя на чем свет стоит:

– Мы не катаемся с незнакомыми.

– Так давайте познакомимся, – резонно предложил Пашка, весело глядя на меня и сверкая улыбкой.

– Как-нибудь в другой раз, – ответила я, едва не свалюсь в обморок.

Мы отправились в сторону дома, а новенькая иномарка на малой скорости ползла за нами, и парни по очереди предлагали нам одуматься. Когда мы юркнули в подъезд, я смогла дышать и даже начала различать окружающие предметы. Машка постучала пальцем по моему лбу и спросила с укоризной:

– Он тебе нравится или нет?

– По-твоему, мы должны были поехать?

– А что такого?

– Ничего, – буркнула я и замолчала.

– Не пойму я тебя, – канючила расстроенная Машка. – То ты хочешь с ним познакомиться, то бежишь от него, как ошпаренная. Когда еще выпадет такой случай?

Случай выпал на следующий же день. Мы сидели в кафе под открытым небом, Машка строила планы, где и как мы могли бы встретиться с Французом, и тут в досягаемой близости возник он сам и, улыбаясь широко и лучезарно, направился к нашему столику.

– Привет, – сказал он, без приглашения устраиваясь рядом. – Ты сказала «в следующий раз». По-моему, сейчас самое подходящее время.

– Это Юля, – поспешно ответила Машка, боясь, что я опять начну валять дурака. – А я Маша.

– Очень приятно. – Он церемонно поднялся, представился и пожал нам руки, после чего заказал чай и пирожные, успев за это время дважды нас рассмешить. В кафе мы просидели часа полтора и договорились встретиться вечером.

Поначалу наши встречи были вполне невинны, я везде появлялась с Машкой, так что домой Пашка отвозил не меня одну, а нас обеих. Надо полагать, ему это здорово надоело, на свидания он стал являться с приятелем, который всерьез взялся за Машку. Естественно, она влюбилась, скорее за компанию, и через некоторое время на Пашкиной даче произошло долгожданное событие, о котором мы с Машкой захлеб поведали друг другу. Я пребывала на седьмом небе от счастья. Счастье было безграничным, потому что даже завистники были вынуждены признать, что Пашка переменялся. По крайней мере, с другими девушками его больше не видели.

Мы с ним начали строить планы. В основном, конечно, я. К примеру, я настойчиво советовала ему восстановиться в университете, откуда его вышибли после первого курса. Очень занятый бог знает чем, Пашка, должно быть, по забывчивости, на экзамены попросту не явился. Я тоже собиралась поступать в университет и усиленно занималась с Машкой. Впрочем, учеба ей давалась легко, ее родители нас не беспокоили, и я думала, идиллия продлится вечно. У меня есть любимый, есть Машка, жизнь прекрасна и обещает быть еще лучше. На городском конкурсе пианистов я получила первую премию, и Пашка так этим гордился, точно не я, а он ее получил. В газете напечатали обо мне заметку с фотографией и подписью под ней: «Юля Ким – яркая звездочка на нашем музыкальном небосклоне». Пашка месяц таскал с собой эту газету, пока она совершенно не истрепалась. А потом я стала замечать в нем перемены – сначала некую задумчивость, потом разговоры, в которых чаще всего доминировали сентенции типа «жить хорошо, но с деньгами жить значительно лучше». Затем появились старые его друзья, которых я ранее не видела. Пашка приобрел новую машину и избегал разговоров о том, где он взял на нее деньги. О том, на какие средства он живет – причем вполне сносно, а в последнее время даже припеваючи, – он вообще говорить не любил. Полагаю, потому что вранье не особенно жаловал, а может, считал себя выше этого.

Теперь, конечно, странно, как я могла так долго пребывать в неведении. Возможно, из-за того, что круг общения у меня ограничивался Машкой и еще двумя-тремя девочками из класса, которые знали о Пашке и его делах не больше моего. Он часто бывал у нас дома, но, боюсь, что папа его даже не замечал, поглощенный своими делами. С отцом мы все больше отдалялись друг от друга, что в тот момент меня устраивало, мы с Машкой жили вполне независимо.

Однажды Пашка позвонил и попросил меня забрать сумку из камеры хранения в аэропорту. Разумеется, я спросила, что это за сумка и с какой стати мне тащиться в аэропорт. Пашка объяснил, что сумка предназначена ему, а оставил ее там приятель, который был проездом в нашем городе и не имел времени встретиться с Пашкой. В сумке икра из Астрахани, Пашка намеревается ее продать, у него и покупатель уже имеется, покупатель ждет товар сегодня, а у самого Пашки нет никакой возможности его забрать. Не будь я тогда такой душой, сразу бы заподозрила неладное, особенно в свете тех инструкций, которыми он снабдил меня вместе с номером ячейки и кодом: куда я должна посмотреть, что сделать и прочее в том же духе. Он заставил меня дважды повторить, что я должна сделать, прежде чем забрать сумку, я повторила и обо всем счастливо забыла уже через пять минут. Разумеется, Машка увязалась со мной. Наверное, что-то вроде предчувствия посетило меня в тот день, потому что вопреки всякой логике я упорно не хотела брать ее в аэропорт. Мы даже поссорились, Машка обиделась, и я пошла на попятный.

Мы взяли такси, как велел Пашка, и поехали. Попросив водителя подождать, прямиком отправились к ячейкам и, весело болтая, забрали сумку. На выходе из аэропорта нас и взяли. Понятия не имея, во что вляпались, мы поначалу даже не особенно испугались и разгневались: мол, в чем дело и какое вы имеете право... В сумке оказался килограмм героина. Поверить в такое я не могла. То есть категорически отказывалась принять очевидное, хотя наличие наркоты легко объясняло и Пашкину развеселую жизнь, и малоприятных дружков, и даже его наставления. Но я отказывалась верить, что Пашка имеет к этому отношение, и уж тем более была не в состоянии вообразить, что он попросту меня подставил.

Уже во время следствия я узнала, что интерес к нему у правоохранительных органов возник давно, и Пашка о нем догадывался, оттого и отправил за «грузом» меня. Поведи я себя иначе, у нас был бы шанс отделаться жутким испугом. Юные девушки, ни в чем скверном не замешанные, прилежные ученицы, опять же папа-профессор... Надо было только одно: рассказать правду. Но я молчала, потому что сдать Пашку не могла. Просто не могла и вообще

перестала говорить что-либо, доводя следователя до бешенства. Я молчала потому, что любила Пашку, а Машка молчала, потому что любила меня. И мы получили на всю катушку, чтоб другим неповадно было. И папа-профессор, и лучший в городе адвокат ничем не помогли, потому что на суде мы тоже молчали, как две рыбы, и судья расценила это как злостное нежелание раскаяться. Вот так вместо университета мы оказались в колонии для несовершеннолетних. После приговора я рыдала всю ночь и молила господ лишь о том, чтобы оказаться в одной колонии с Машкой, потому что была уверена: Машка там не выдержит, тюрьма для нее совершенно неподходящее место. Как будто оно подходило мне. Господь меня услышал, или просто нашлись добрые люди, но мы попали в одно место.

Выжили мы исключительно благодаря оптимизму Машки.

– Живут и там люди, – весело заявила она еще по дороге. – И мы привыкнем.

Она улыбалась и строила планы, и мне при виде ее стойкого жизнелюбия раскисать было стыдно. Очень скоро жизнелюбие мне понадобилось. Время шло, а от Пашки не было ни одного письма. После нашего ареста из города он исчез, Машка выдвинула версию, что он не пишет, потому что в бегах и, куда писать, попросту не знает, и ему сейчас гораздо хуже, чем нам, потому что мы вдвоем, а он там один и страдает в неведении и отчаянии. Я писала письма всем, чей адрес знала, с просьбой передать Пашке, если случится его встретить, где я нахожусь. И на Рождество получила открытку. Там было всего три слова: «Забудь меня, пожалуйста». И вновь меня спасла Машка. Шмыгала носом, сидя рядом, и вдруг заявила:

– Юлька, если ты чего надумала, так давай вместе.

– Чего – вместе? – не поняла я.

– Ну, не знаю. Вены вскроем или удавимся. Мне-то в принципе все равно, главное, чтобы вместе.

– Ты спятила, что ли? – разозлилась я, испытывая жгучий стыд, потому что как раз и размышляла, что легче проделать: вскрыть вены или удавиться.

– Только не делай вид, что ты об этом не думала, – ядовито сказала Машка, сморщив нос. – Имей в виду, куда ты, туда и я! – сказала весело, но абсолютно серьезно, а главное – убедительно. И я, не сходя с места, решила: с моей стороны страшное свинство – сначала втравить Машку в историю, а потом бросить здесь одну, и мысли о самоубийстве оставили меня раз и навсегда.

Спокойной нашу жизнь назвать было никак нельзя. Забот хватало, и сердечные проблемы отступили на второй план. Меня присмотрел начальник колонии, дядька лет шестидесяти, чем-то очень похожий на моего покойного дедушку. Эта похожесть смущала, и поначалу я даже предположить не могла, чего ему от меня надо. Машка предположила, что я похожа на его дочку или внучку, что вероятнее, а он человек хороший и изо всех сил мне сочувствует. Но шустрые девахи из нашего барака мигом объяснили, что к чему, а вскоре и от самого «дедушки» последовало недвусмысленное предложение. Чем бы все кончилось, одному господу ведомо: власть начальника против моего характера... Но дядя здорово поднаторел в прикладной психологии, и всяческим гонениям начала подвергаться Машка, а отнюдь не я. Как человек его положения способен усложнить жизнь обычной зэчке, объяснять не надо. Я могла избавить Машку от неприятностей, а для этого только и требуется... Что, собственно, меня останавливает? Любовь, о которой просили забыть? И я сделала выбор. Но почти сразу поняла, что свои силы переоценила. Не для меня все это. Лучше действительно удавиться. Но, вернувшись со своего первого «свидания», я застала Машку с таким опрокинутым лицом, точно по душе ей прошлись сапогами, и сделала то, чего сама от себя за минуту до этого никак не ожидала. Подмигнула и сказала весело:

– Теперь масло будем жрать килограммами. Считай, повезло. А дядька и правда неплохой.

Примерно так оно и оказалось. Начальство прониклось ко мне большой симпатией, нас перевели в первый барак, где условия были получше, а обитатели поспокойнее, вместо работы в мастерских мы занимались самодеятельностью или писали плакаты, которые, по замыслу нашего начальника, должны были пробуждать в сердцах стремление к лучшей жизни, а главное, к законопослушанию. В общем, сеяли в меру сил разумное, доброе, вечное. Потом нам исполнилось восемнадцать, и нас с Машкой перевели на взрослую зону. Нам опять повезло, а может, начальство расстаралось, но мы вновь оказались вместе. Как ни странно, там стало легче. То, что я профессорская дочка, никого не напрягало, народ встречался разный, иногда

довольно занятный. Здесь меня приглядел начальник по воспитательной части, но на этот раз обошлось без воспитания, и устроились мы еще лучше, чем на малолетке: меня назначили помощником библиотекаря, Машку тоже не забыли, и вместо того, чтобы шить рукавицы, мы читали любовные романы и играли в драмкружке. А потом занялись танцами. Идея, как всегда, принадлежала Машке. В комнате отдыха был старенький магнитофон с одной-единственной кассетой: аргентинское танго. Кто до нас тосковал под нее и мечтал о страстной любви, мне неизвестно, но я безгранично благодарна этому человеку, потому что кассета невероятно скрашивала нашу жизнь.

– Ты умеешь танцевать танго? – спросила Машка задумчиво, вслушиваясь в незнакомые слова.

– Ну, могу, – ответила я, не желая особо рекламировать свои таланты.

– Научи меня, – попросила она.

И я принялась ее учить. По несколько часов в день мы самозабвенно танцевали, отдаваясь музыке со всей страстью и забывая обо всем на свете, и вскоре достигли вершин мастерства. Благой порыв не остался незамеченным, нам предложили организовать что-то вроде кружка, и теперь каждый вечер три десятка женщин неумело повторяли одни и те же движения, и глаза их начинали гореть, а спины распрямлялись. Самодеятельность у нас с тех пор была на высоте, приезжее начальство приходило в восторг, а я под девизом «Нет предела совершенству!» с благословения все того же начальства давала уроки музыки, благо что пианино тоже нашлось. Потом был организован хор, в котором пели все желающие, и начальство могло быть спокойно за наши души. Надо отдать должное и моему новоиспеченному любовнику и его непосредственному начальству – они действительно относились к нам с большой симпатией, благодаря их усилиям, ходатайствам и самым радужным характеристикам мы покинули данное учреждение раньше, чем предполагалось. И вскоре вновь оказались в родном городе.

К тому времени мать Машки умерла, замерзнув по пьяному делу, а отчим угодил в тюрьму, откуда писал Машке слезные письма с просьбой помнить добро и не оставлять его без помощи. Барак, где когда-то жила моя подруга, снесли, так что возвращаться ей, по большому счету, было некуда. Так же, как, впрочем, и мне – отец, с трудом оправившись от позора, женился и теперь воспитывал сына, о котором, как выяснилось, мечтал всю жизнь.

Мое появление в родном доме было встречено без восторга со стороны отца и явной неприязнью со стороны его супруги. Но в тот момент не это меня волновало. Я хотела встретиться с Пашкой. Зачем, я и сама не знала, так же, как понятия не имела, что собираюсь сказать ему при встрече. Но ни о чем другом думать не могла, и мне ни разу не пришла в голову мысль, что ему надо сказать спасибо за ту открытку. Что бы со мной было, пиши он письма, полные любви и надежды?

Вместо того чтобы попытаться как-то наладить свою жизнь, мы с Машкой принялись искать Пашку. Это оказалось не так просто. Вроде бы он был в городе, а вроде бы исчез. По слухам, у него большие неприятности, что меня не удивило, имея в виду способ, которым он зарабатывал на жизнь, с другой стороны, по тем же слухам, с наркотой он завязал после того памятного случая, то есть после того, как мы оказались в тюрьме. Так что о причинах Пашкиных неприятностей оставалось лишь гадать. Но, судя по всему, все было очень серьезно, так как искали его люди, о которых предпочитали говорить шепотом и полупонамеками.

Из разрозненных сплетен, слухов и обрывков фраз я сделала вывод, что Пашка в большой беде, и вместо того, чтобы держаться от него подальше, вознамерилась его спасать. Хотя и не знала, от чего. Я все еще его любила и не желала мириться с очевидным. Машка мои намерения активно поддерживала и выдвигала идеи одну фантастичнее другой. Разумеется, Пашка все еще меня любит, в этом она не сомневалась. Конечно, любит. Как же иначе?

Мать Пашки о его делах знала не больше нашего. По крайней мере, такое впечатление я вынесла после долгой беседы с ней. В отличие от прочих бывших знакомых, нас она встретила не только доброжелательно, но и с большой готовностью помочь. Она по-прежнему преподавала в техническом вузе и жила с младшим сыном, который учился в университете на втором курсе. Не очень-то рассчитывая на теплый прием, я спросила, как связаться с Пашкой, на что она ответила, с грустью глядя на меня:

– Юленька, может, не стоит этого делать? Мой сын уже искалечил тебе жизнь. Теперь тебе надо начинать ее заново. Я могу устроить вас техничками в институт, на первое время и это неплохо. Пойдете учиться в техникум, с поступлением я помогу. А там можно и в институт. Ты свободно говорила по-английски, за полгода наверстаешь упущенное, сможешь подрабатывать

репетиторством, я порекомендую тебя нужным людям, и в учениках недостатка не будет. Пройдет несколько лет, и прошлое забудется, как страшный сон.

Разумеется, она была права. Послушай я ее тогда, и моя жизнь могла бы стать совсем другой. Но кто же умные советы слушает? Впрочем, тогда я с ней во всем согласилась, и на работу мы с Машкой устроились. Усердно намывали полы, ловя на себе взгляды, то презрительные, то просто любопытные, а по вечерам прочесывали места, в которых раньше любил появляться Пашка, в надежде хоть что-то узнать о нем.

Время шло, я не жила, а пребывала в каком-то лихорадочном ожидании. Отец, узнав о том, что мы устроились на работу, только поморщился, а потом предложил снять для нас квартиру, обещая заплатить за полгода вперед. Это можно было расценить как предложение убираться с глаз долой. Именно так мы и расценили и вскоре съехали.

Где-то через неделю мы заглянули в бар «Визави», и здесь Пашкин приятель Игорь Сергеев шепнул мне, что Пашка никуда не уезжал. У него действительно серьезные неприятности, его ищут очень опасные люди, должно быть, впутался в очередную скверную историю и по этой причине где-то прячется. Вот тогда я и вспомнила об одном богом забытом месте, куда Пашка во времена нашей большой любви привозил меня. Это был дом его прадеда. Что-то там вышло непонятное с документами, вовремя неоформленное наследство, кажется. Продать дом не представлялось возможным, а никому из родственников он вроде бы не нужен, вот и стоял он среди леса, постепенно ветшая все больше и больше.

Я смутно помнила название железнодорожной станции – вроде бы «Новки», название же деревни начисто стерлось из памяти, а может, Пашка и не называл ее. Тогда мы с ним ездили на машине, я вспомнила железнодорожный переезд, здание станции в один этаж, оштукатуренное и окрашенное розовой краской. Оттуда шла дорога в лес. И где-то там, в стороне от небольшой деревушки, среди высоченных сосен, стоял дом.

В тот же день мы с Машкой купили карту области, нашли на ней железнодорожную станцию Новки, а также узнали расписание электричек. И в ближайшее воскресенье туда отправились.

Переезд и станцию я сразу же узнала. Приземистое здание вокзала с большими окнами на фасаде и сейчас было выкрашено в розовый цвет, дорога – узкая, песчаная – от переезда шла в лес. Воодушевленные первой удачей, мы пошли по дороге и вскоре добрались до деревни. На указателе название: «Ягодное». Дорога пересекала деревню надвое и обрывалась у реки. В какой стороне следует искать дом, я понятия не имела, но точно помнила: на машине мы подъезжали к самому дому, значит, дорога должна быть.

Мы вернулись в деревню и попытались выяснить у немногочисленных местных жителей, где здесь одинокий дом в лесу. Когда мы вконец отчаялись, одна из старушек сообразила, о чем идет речь.

– Дом художника вы ищете, что ли? – Пашка не говорил, что его прадед был художником, но я согласно кивнула. – Так это у Ставрогина, – продолжила бабка. – Отсюда далеко. Вам надо к станции вернуться, там будет просека, по ней и идите.

Мы повернули назад и, когда впереди был уже виден переезд, действительно обнаружили просеку. Лесная дорога еле-еле проступала сквозь высокую траву. Вокруг стояли стеной сосны, пели птицы, Машка без конца замирала и спрашивала, обращаясь ко мне:

– Слышишь?

На лице ее блуждала счастливая улыбка, но мне было не до лесных красот и не до пения птиц. Не чувствуя усталости, я рвалась вперед, и где-то через час мы увидели дом – он стоял на высоком берегу реки, окруженный соснами, двухэтажный, из мощных бревен. За рекой напротив раскинулось большое село, отсюда мы видели церковную колокольню и крохотные домики вокруг в зарослях сирени. А вот дом с того берега реки вряд ли был виден, Пашкин прадед, должно быть, стремился к уединению и предпочитал держаться подальше от человеческого жилья.

На первый взгляд дом казался необитаемым. Изрядно обветшалый, с проржавевшей крышей, основательно разграбленный: резные наличники с большинства окон были сняты, в окнах второго этажа стекла выбиты, крыльцо сгнило и заросло крапивой.

Но кое-что внушало надежду. Сюда явно недавно кто-то заглядывал – от леса к крыльцу вела тропинка. По ней я уже бежала. Дверь в дом была заперта на щеколду, ясно, что сейчас тут никого нет. Мы открыли дверь и вошли. Мебель тоже успели растащить, но кухня была обитаема. Свернутый спальный мешок в углу, пластиковая посуда на столе аккуратной стопочкой, полотенце возле умывальника, ведро наполовину наполнено водой (за домом, как я помнила, был ключик). Но, главное, плита – она еще была теплой, на ней стоял закопченный чайник, и вода в нем не успела остыть.

– Он здесь! – взвизгнула Машка. – Ушел куда-нибудь. В магазин, наверное, или просто прогуляться. А может, купаться отправился.

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Мысль о том, что вскоре увижу Пашку, кружила голову, я боялась думать о том, какой будет наша встреча, и по-прежнему не знала, что скажу ему, но в тот момент это было неважно. Главное, я его нашла.

Мы устроились за столом возле окна и стали ждать, то и дело поглядывая на тропинку. Где-то через час на ней появился человек, а я едва не хлопнулась в обморок: мужчина лет сорока в стареньком спортивном костюме, в белой панаме и хозяйственной сумкой в руке ничего общего с Пашкой не имел. Он не торопясь приближался к дому, потом вдруг замер и оглянулся. Что-то, вне всякого сомнения, вызвало его тревогу. Он даже отступил назад в лес и теперь скрылся за деревьями.

– Он нас видел? – спросила Машка. – Это он здесь живет? Чего тогда спрятался? А Пашка где?

Ни на один из ее вопросов ответа я не знала, но почему-то была уверена, что мужчина непрошеным гостям не обрадуется.

– Вот что, давай-ка сматываться отсюда, – сказала я.

– Как сматываться? А Пашка?

Но я уже шла к двери, она выходила в сторону реки, и мужчина, находясь в лесу, видеть нас не мог. Мы вышли на крыльцо, заперли дверь на щеколду и припустили к ближайшим кустам. Здесь Машка схватила меня за руку и

зашептала:

– Не можем мы вот так взять и уйти. Вдруг этот тип знает что-нибудь о Пашке? Надо бы с ним поговорить.

– Это вряд ли, – нахмурилась я. – У меня такое впечатление, что он сам от кого-то прячется.

– Так и Пашка прячется. Может, они на пару...

Ее слова произвели впечатление. Человек, который скрылся в лесу, в самом деле мог быть Пашкиным приятелем. Или он так же, как и мы, интересовался его местонахождением, а присутствие свое скрывал, не желая спугнуть все того же Пашку. В пользу первой версии – сумка в его руках. Выслеживать с ней кого-то довольно глупо. В пользу второй – возраст мужчины: он был раза в два старше Пашки, хотя для дружбы это не помеха. Правда, ранее я подобных знакомств у Пашки не наблюдала.

В конце концов мы на четвереньках переместились подальше от дома, но так, чтобы входная дверь оставалась в поле нашего зрения. Некоторое время ничего не происходило, потом на тропе вновь появился мужчина. Практически бесшумно он достиг двери, замер, разглядывая щеколду, огляделся и вошел в дом. Подобравшись поближе, мы услышали, как он чем-то гремит в кухне, несколько раз в окне мелькнул его силуэт. Прошло минут сорок, в кустах сидеть нам надоело, насекомые здорово досаждали, а нам приходилось соблюдать осторожность.

– Что будем делать? – спросила Машка, почесывая искусанную руку. – Почему бы, в конце концов, не поговорить с ним? Соверим, что в лесу заблудились, попросим объяснить, как выйти к деревне.

Вполне разумное предложение, но что-то удерживало меня в кустах, хотя ожидание и мне надоело.

– Подождем еще немного, – вздохнула я.

И тут события начали стремительно развиваться. Из леса появились люди – человек пять. Их намерения были совершенно очевидны: они взяли дом в кольцо и теперь быстро приближались к нему. Мимо нашего укрытия прошел здоровенный детина с лошадиной физиономией, я едва успела дернуть Машку за руку, и мы залегли в высокой траве. Парень нас не заметил только потому, что не ожидал здесь застать никого, кроме хозяина дома. То, что интересует их именно он, тоже сомнений не вызывало.

Мужчина их заметил чуть позже, чем мы. Окно распахнулось, и он что-то выбросил в кусты, которые росли в нескольких метрах от дома, а еще через мгновение он появился на крыльце и побежал к реке. Расчет был верный: если он неплохо плавает, очень скоро окажется в селе, в лесу схватить его у парней больше шансов. Но до реки добежать он не успел. Со зловещим ревом из-за деревьев появился огромный джип, отсекая мужчину от реки, и он оказался в ловушке. Заметался, пытаясь уйти от машины, прыгнул в кусты, но кольцо преследователей сжималось, и очень скоро его схватили.

Все это я наблюдала, чуть приподняв из травы голову. Крики и рев двигателя стихли, голоса еще доносились, но слов разобрать я не могла, и то, что происходит перед домом, тоже не видела из-за джипа, а сдвинуться с места боялась, ведь нас легко могли обнаружить. Машка, лежавшая на земле, повернув голову, задала мне немой вопрос. Я приложила палец к губам.

Я была уверена, что мужчину запихнут в машину и увезут, но у парней были совсем другие планы. Надо полагать, его допрашивали. Я по-прежнему слышала голоса, звуки ударов и приглушенные вскрики. Продолжалось это минут двадцать. Потом я вновь увидела мужчину, двое дюжих молодцов тащили его под руки к дому. В поле моего зрения появился сухощавый блондин. Одной рукой отмахиваясь от комаров, он хмуро огляделся и вдруг замер, взгляд его был устремлен в нашем направлении. Я тоже замерла, закрыв глаза, с трудом преодолев искушение резко опустить голову. Он мог заметить движение и решить проверить, что там, в траве, движется. Я сосчитала до сотни, прежде чем открыла глаза. Парень все так же разглядывал лес перед собой, но теперь взгляд его переместился в сторону, что позволило мне вздохнуть с облегчением.

Однако особо радоваться я не спешила. Его что-то насторожило, возможно, он просто почувствовал мой взгляд. Чутьем Ник в самом деле обладал исключительным. Это была первая наша встреча, и, несмотря на страх, его физиономию я отлично запомнила. Потом мне не раз снились лес, джип и Ник,

настороженно вглядывающийся в заросли березняка. Жуткая физиономия, весьма подходящая для кошмаров.

Мужчину швырнули в дом, он был без сознания или уже мертв, потому что попыток выбраться не предпринимал, даже когда они подожгли дом, со всех сторон облив его бензином. Ник щелкнул зажигалкой и бросил ее в дверной проем. Сухие бревна вспыхнули мгновенно. Через пять минут дом был весь в огне, выбраться из бушующего пламени возможным не представлялось, но Ник рисковать не хотел и, только когда с шумом обрушилась кровля, вместе со своими людьми загрузился в машину. Они поехали в противоположную сторону от станции через лес по еле заметной лесной дороге. Когда машина скрылась с глаз, я решилась приподняться.

– Дядька в доме? – испуганно спросила Машка, отказываясь верить в происходящее. Я молча кивнула. – Надо бежать на станцию, вдруг...

В то, что мужчине могла понадобиться помощь, я даже не надеялась. Он мертв. И я бы очень хотела, чтобы смерть его наступила раньше, чем вспыхнул дом. При мысли о том, что он сгорел заживо, тело сводило судорогой.

– Мы ему не поможем, – сказала я тихо. – Надо сматываться.

– А как же...

– Давай поторопимся, – перебила я.

По дороге мы тоже не пошли, отправились через лес, рискуя заблудиться. Пожар, скорее всего, заметили, если будет следствие, жители деревни, безусловно, расскажут о нас, но я надеялась, что отыскать нас в большом городе по описанию трех стариков будет невозможно. Идти в милицию мне и в голову не пришло. Не очень-то я ей доверяла. А с нашей биографией нам там вряд ли поверят. Замучают вопросами. Зато если убийцы узнают о нас, а они, я была уверена, непременно узнают, отправься мы в милицию, найдут нас не в пример быстрее и церемониться не будут. Значит, надо спешно выбираться отсюда и забыть о том, что видели.

Все это я внушала Машке, пока мы шли к станции. Тишину леса взорвала пожарная сирена, и в просвете между деревьев мы увидели красные машины.

– Вот что, – вздохнула я, – пожалуй, на станцию возвращаться не стоит. Они найдут труп...

– Юлька, я ничего не понимаю. Где Пашка? А вдруг он придет сюда? За что они дядьку убили? И кто такие эти типы?

– Бандиты, – ответила я. – Они его искали, это ясно. Должно быть, выследили. Не мог же он безвылазно в доме сидеть. А как это все связано с Пашкой... В общем, не зря болтали, что у него неприятности. Я надеюсь, он нашел укрытие получше.

– И что теперь? – заглядывая мне в глаза, продолжала Машка задавать вопросы. – Как мы будем его искать?

– Не знаю. Давай для начала выберемся отсюда.

Мы долго шли по лесу вдоль железнодорожного полотна. Наконец лес расступился, и мы выбрались на шоссе. До города решили добираться автостопом. Мы стояли на обочине, испуганные и оттого молчаливые, и ждали попутного транспорта. Движение здесь оживленным назвать никак нельзя, минут за пять проехали только три машины, да и то в противоположном направлении. Места дачные, а дачникам возвращаться в город еще рано. Тут на дороге возник «Мерседес». Я намеревалась его проигнорировать – по моим представлениям, хозяева роскошных тачек в дополнительном заработке не нуждаются, а заводить знакомства желания не было.

«Мерседес» притормозил, а потом плавно остановился возле нас, без всякого нашего к тому стремления. Дверца со стороны пассажира распахнулась, а мы с Машкой переглянулись, после чего решили сесть. Мужчина был один, что, собственно, и подвигло нас на подобное действие. На вид ему было лет тридцать пять, и он, как и мы, не тяготел к знакомствам. По крайней мере, никаких попыток познакомиться не предпринимал. Спросил, куда мы едем, и, услышав ответ, удовлетворенно кивнул, а я успокоилась, решив, что мужчина просто хороший человек и не прочь сделать доброе дело, скрасив дорогу беседой.

Если бы я тогда знала, какую гнусную шутку выкинет судьба и в чьей машине мы тогда оказались... Но знать этого я, разумеется, не могла, смотрела в окно и время от времени пожимала Машкину руку. Машка продолжала нервно вздрагивать. Наверное, мужчина заметил наше волнение, поглядывал в зеркало, а потом все-таки спросил:

– С дачи возвращаетесь?

– От друзей, – туманно ответила я.

– Из Демихова?

Я не знала ни одной деревни в округе и согласно кивнула.

– И у кого вы там были в гостях? – В вопросе не было подвоха, мужчина просто проявил любопытство.

– Мы, собственно, не из самого Демихова.

Тут мужчина взглянул в зеркало и поспешил прижаться к обочине, давая дорогу двум пожарным машинам.

– Где-то пожар, – сказал задумчиво. – Дым был виден над лесом. Кажется, в Сосновке горело.

Не успела я порадоваться, что он потерял интерес к тому, где мы гостили, как Машка вдруг выпалила:

– Это одинокий дом сгорел, в лесу, что напротив села.

Я до боли сжала ее пальцы, она испуганно замолчала, а мужчина повернулся, сказал неопределенно: «Да?» – и тоже замолчал.

С какой такой радости Машка вдруг заговорила, она и сама объяснить не могла. Я думаю, это и было то, что принято называть судьбой. Стечение обстоятельств. Вроде бы малозначащие совпадения, которые приводят человека к краху всей его жизни. Мы могли уйти от одинокого дома на берегу чуть раньше и не стали

бы свидетелями убийства, мы могли чуть позже выйти на дорогу и не встретить мужчину с пронцательными глазами, смуглым красивым лицом и неторопливой манерой произносить слова... Уже потом, увидев портрет в газете, я поняла, на кого угораздило нас тогда нарваться и как Ник, в результате все тех же незначительных совпадений, смог легко найти нас, собирая по зернышку сведения, как птаха божья: словечко здесь, словечко там, и вот разрозненные факты уже складываются в картинку, на которой как будто стрелка с надписью: «Они там».

– Высадите нас возле главпочтамта, – попросила я, когда мы въехали в город.

– Где вы живете? – поинтересовался он.

– На Сурикова, – ответила Машка, сказав зачем-то правду. И вновь судьба!

– Нам по дороге.

Он подвез нас к самому дому. Денег, разумеется, не взял. Мы поблагодарили и вошли в подъезд. Надо признать: возникло у меня в тот самый момент скверное, саднящее чувство, но я списала его на недавние события – а какому ж еще чувству быть, когда, можно сказать, на твоих глазах убили человека?

В ту ночь мы не спали. Лежали в темноте, прижавшись друг к другу, боясь нарушить молчание. Во вторник, после работы по дороге домой, я купила газету. О пожаре небольшая заметка на третьей странице в разделе «Происшествия». Сгорел дом, обнаружен труп со следами насильственной смерти. Установить личность убитого, а также владельцев дома пока не удалось. Ведется следствие.

– Выходит, о нас они не знают? – вслух подумала Машка.

– Может, и знают. Хотя, если повезло...

Прошло несколько дней. Нас никто не искал, и я понемногу успокоилась. Мысли мои вернулись к Пашке, то есть я о нем думать не переставала, но теперь во мне зрела убежденность, что его надо найти как можно скорее, и не только потому, что я очень хотела его видеть. Если он как-то связан с убитым, то дела его и

впрямь скверные.

И мы с Машкой вновь отправились на поиски. Приставали с расспросами к знакомым, просили передать при случае Пашке, что мы вернулись. Люди кивали, чтобы от нас отделаться, и я не особо верила, что все это поможет мне его найти, но другого способа не знала.

В один из вечеров мы забрели в бар неподалеку от центра. Хозяин, мужчина лет пятидесяти, предпочитал сам стоять за стойкой. Когда-то Пашка любил бывать здесь. Завидев нас, Виктор Петрович, которого давние знакомые звали просто Петровичем, улыбнулся нам и дежурно спросил:

– Как успехи?

– Не очень. Люди говорят, что Пашка в городе, но я в это не верю. Если бы было так, он бы нашел возможность со мной встретиться. – Петрович пожал плечами. – Если он вдруг позвонит, – добавила я, глядя ему в глаза, – передайте, что я была в доме.

– В доме? – Он нахмурился, а я кивнула:

– Да. В доме. Он поймет.

Понять Пашка мог лишь в том случае, если был связан с убитым. Если не это обстоятельство, то хотя бы любопытство должно было его заставить позвонить мне.

Машка поглядывала на меня с сожалением, торопливо отводя взгляд, лишь только я поворачивалась к ней. Наверное, ей все чаще приходила в голову мысль, которая и меня не раз посещала: Пашка не хочет, чтобы его нашли, то есть вовсе не стремится к встрече со мной. То, что он упорно молчал все эти годы, тому подтверждение. Предположим, он не мог приехать или сообщить свой адрес из-за своих неприятностей, но пару писем отправить был вполне способен.

Не знаю, чего больше было в этих поисках, любви или ослиного упрямства, но каждый вечер все повторялось. В пятницу Машка вдруг сказала, когда мы шли

из одного бара в другой:

– Он что-то выбросил.

– Кто? – не поняла я.

– Дядька, которого убили. Он что-то выбросил в кусты, помнишь? Он не хотел, чтобы эти типы нашли эту вещь. Я все думала, думала и решила: ее они и искали. Оттого и сожгли дом. Он им ее не отдал, а они были уверены, что вещь где-то здесь, при нем то есть. Вот и сожгли.

– Он мог ее закопать, к примеру.

– Ага, мог... Только ведь мы с тобой знаем: он ее не закапывал. Она валяется где-то в кустах.

– Ее могли найти пожарные или следователи, что более вероятно. Труп со следами насильственной смерти, значит, они просто обязаны были все вокруг как следует осмотреть.

– Возможно, и нашли. Но сдается мне, она до сих пор там лежит.

– Что, по-твоему, это может быть?

– Понятия не имею. Давай махнем туда и поищем.

– Не стоит нам там появляться.

– Мы можем сойти на соседней станции и к дому идти пешком. У нас есть карта. Ну, так что?

Разумеется, мы поехали. Потом шли вдоль железной дороги до переезда, оттуда к дому, точнее, к тому, что от него осталось. Осталось немного. Почерневший кирпич фундамента и груда мусора. Пожухлая трава вокруг и обгорелые, с желтой листвой ветки ближайших деревьев завершали безрадостную картину. Мы сразу же направились к кустам. Что, собственно, мы ожидали найти, мы и сами не представляли, и потратили много времени, ползая по земле. Обшарили,

кажется, все. И ничего не нашли.

– Значит, ментам повезло, – вздохнула Машка.

Я потерла исцарапанное предплечье, подняла голову и... увидела кассету. Обыкновенную кассету для видеокамеры, которая застряла между веткой кустарника примерно в метре от земли. Я взяла кассету и протянула Машке.

– Как думаешь, это то, что мы ищем?

– Похоже, что так, – улыбнулась она. Ее радость была мне не очень-то понятна, но я тоже улыбнулась. – Не думаю, что кассеты произрастают на деревьях, так что повезло все-таки нам, а не ментам.

Везение тоже представлялось мне сомнительным. Машка на всякий случай еще раз все кругом тщательно осмотрела, и мы сошлись во мнении, что ничего здесь больше не найдем. Той же дорогой мы шли к электричке, кассета лежала у меня в сумке, а Машка гадала, что на ней может быть.

– Что-нибудь скверное, – хмурилась я. – Из-за нее человека убили.

– Так хочется посмотреть... А тебе? – забегаю вперед, спросила Машка.

Я пожала плечами.

– Иногда лишние знания вредят.

– Это ты про ненужных свидетелей? – загрустила она.

– Ага, – кивнула я. – Знать бы, что с этой кассетой теперь делать.

– Для начала посмотреть, что там.

Но посмотреть было не так просто: видеокамеры у нас в наличии не имелось, равно как и видеомэгнитофона. Забегая вперед, скажу: запись мы так и не увидели. Только через несколько лет я узнала, что было на пленке.

В тот вечер мы вернулись поздно. Подойдя к квартире, услышали, что в прихожей надывается телефон. Звонили нам редко, и такая настойчивость удивила, я поспешно открыла дверь, сняла трубку и... едва не свалилась в обморок. Звонил Пашка.

– Привет, – сказал он. Голос его звучал как-то странно, точно он запыхался после быстрого бега.

– Ты? – только и спросила я.

– Разумеется, я. Что это значит? – понижая голос, задал он вопрос. – Ты сказала, что была в доме...

– Да, была.

– В каком доме и почему я должен об этом знать?

Его слова здорово меня разозлили. На самом деле меня, конечно, разозлило другое: Пашка и не собирался звонить, пока не узнал о доме, и сейчас позвонил вовсе не потому, что испытывал ко мне какие-либо чувства, – его интересовало, что там произошло. И я довольно раздраженно сказала в трубку:

– Если ты звонишь, значит, прекрасно знаешь, о каком доме идет речь.

Некоторое время он молчал, я тоже молчала. Машка рядом стискивала в волнении руки, усиленной мимикой пытаюсь что-то донести до моего сознания, но совершенно напрасно. Я вслушивалась в Пашкино дыхание и в биение своего сердца.

– Что ты видела? – наконец спросил он.

– Я видела, как его убили.

– О черт, – зло выругался Пашка и горячо зашептал: – Никому об этом ни слова. Слышишь? Никому. И Петровичу зря сказала, он может сообразить. Забудь о том, что видела. Эти типы настоящие убийцы, они психи, понимаешь?

– Понимаю. Я даже смогла убедиться в этом. – Секунду я колебалась, стоит говорить или нет, и все-таки сказала: – Кассета у меня.

Пашка вновь замолчал, но теперь пауза длилась недолго.

– Как она оказалась у тебя?

– Тот дядька успел выбросить ее в окно, а я нашла.

– Тебя не заметили?

– Нет.

– Все равно будь очень осторожна. – Он помедлил и добавил: – Пожалуйста.

– Что на этой кассете?

– Бомба. Встретимся завтра, принесешь кассету с собой. Если заметишь что-нибудь подозрительное, сразу же уходи. Ты поняла?

– Конечно.

– Конечно... – передразнил он. – В прошлый раз ты тоже сказала «конечно» – и что из этого вышло? Кассету держи в кармане, в случае чего сразу от нее избавься. Встретимся в два часа на площади Победы, возле фонтана. Ты с Машкой? – помедлив, спросил он.

– Конечно.

– Передай ей привет.

– Что значит «бомба»? – хмурилась Машка, вертя кассету в руках.

– Это значит, что, если она попадет не в те руки, будет большой скандал.

– А Пашкины руки те?

– Откуда я знаю? Завтра идем или нет?

Машка была изумлена вопросом.

– Конечно. Ты же хотела его увидеть.

Разумеется, я хотела. Но теперь очень сомневалась, что исполнение желания принесет мне радость. Скорее наоборот. Но на следующий день в 13.45 мы с Машкой были на площади. В этом смысле прошлый опыт ничему ее не научил – она категорически заявила, что пойдет со мной.

На счастье, народу на площади было очень много. В основном, конечно, туристы. Жара стояла страшная, и народ старался держаться поближе к фонтану. Мы пристроились на зеленой травке, держа в поле зрения все четыре дорожки, что сходились у фонтана, и пытались не пялиться на часы каждые десять секунд. Ровно в два я поднялась и направилась к фонтану.

– Вроде все спокойно, – шепнула мне Машка, чуть поотстав.

Я шла не торопясь, стараясь высмотреть в толпе Пашку.

Я бы его ни за что не узнала, если бы не голос. Высокий, светловолосый парень в бейсболке задел меня плечом и шепнул:

– Давай кассету.

Я машинально сунула руку в карман джинсов, он перехватил мою руку, и на мгновение наши пальцы сплелись. А потом заорала Машка:

– Сматываемся!

– В разные стороны, – скомандовал Пашка, и мы разлетелись по площади горошинами.

Точно помню: за мной бежали двое. Никогда – ни до ни после – с такой скоростью я не бегала. Я бежала, не разбирая дороги, то и дело натываясь на

кого-то в толпе, выскочила на проезжую часть, чудом не попав под машину, пересекла дорогу, повторяя как заклинание: «Уйду, уйду...» Впереди начиналась старая часть города, с двухэтажными домиками, утонувшими в зелени. Я вбежала в чей-то двор, увидела калитку и оказалась в саду, легко перемахнула через забор, добротный и низкий, и побежала к реке. За спиной ни топота ног, ни криков. Тишина. Я еще бежала некоторое время, не веря в свое везение, а потом устроилась на скамье возле реки, смотрела на ровную гладь воды, на лодки, что спускались вниз по течению, и вдруг заревела. Потом подумала о Машке, и мне стало стыдно. «А если Машка не смогла уйти?» – с ужасом думала я, возвращаясь домой.

Машка бросилась ко мне, лишь только я повернула ключ в замке. Мы обнялись и некоторое время стояли замерев.

– Пашка ушел, – сказала она, отступив на шаг. – Его кто-то в тачке ждал.

«Вряд ли они не подумали о машине», – решила я, но промолчала.

Несколько дней я ждала звонка от Пашки, изнывая от беспокойства. Потом убедила себя: его молчание вовсе не значит, что он оказался в руках этих типов. Пашка замешан в каких-то темных делах, и ему сейчас попросту не до меня. Скорее всего, и раньше я не занимала в его жизни особенно большого места. Так, юношеская любовь, которая проходит довольно быстро. Пашка изменился. И дело не только в светлых волосах. Я внезапно поняла, точно сподобившись откровения, что передо мной был совершенно другой человек. А может, это я другая?

Такие мысли занимали меня недолго, всего несколько дней. Потому что в моей жизни вновь возник Никита Полозов, теперь уже основательно и надолго. Его появление было подобно появлению богов в греческой трагедии: внезапное и все же ожидаемое. Все это время меня мучило смутное беспокойство, и вот наконец оно обрело вполне реальные черты.

Закончив работу, мы шли к остановке трамвая и в переулке увидели джип, а рядом с ним Ника. Он стоял, привалясь к капоту, и улыбался радостно и зазывно, точно Санта-Клаус в канун Рождества.

– Привет, – сказал ласково.

Мы с Машкой еще не успели испугаться по-настоящему, а откуда-то из-за спины появились его дружки, завернули нам руки за спины и запихнули в машину.

Какое-то время мы пытались изображать дурочек, но я уже тогда, в первые минуты, поняла: этот тип знает, что мы были в доме. Не представляла, откуда и как, но он знает. Разумеется, Ник вытряхнул из нас все. На такие дела он мастер. А потом был кошмар, растянувшийся на сутки. Были семеро пьяных придурков, которые чувствовали себя абсолютно безнаказанными, точно им заранее отпустили все грехи. Я помню, как орала в душном подвале. Не от боли даже, а чтобы не слышать Машкиных криков. Истерзанные, еле живые, мы не очень-то верили, что выберемся оттуда. Но Ник предпочел оставить нас в живых, рассчитывая на то, что Пашка, возможно, свяжется с нами. Еще трое суток мы просидели взаперти. Иногда парни появлялись, тогда я стискивала зубы и закрывала глаза. От собственного воя закладывало уши. Но скоро они выдохлись, и фантазии их заметно поблекли, а колотили скорее по привычке. Поздно вечером явился Ник и сказал, что нас отвезут домой. Я ни на секунду в это не поверила. Я ехала умирать, потому что у Машки была сломана нога, и удрать мы, при всем везении, не смогли бы. Но джип остановился возле подъезда, нас вышвырнули из машины, и парни уехали. Поначалу ничего, кроме изумления, я не почувствовала. А потом мы зализывали раны и нервно вздрагивали при каждом звуке. Мы боялись выходить на улицу и боялись оставаться дома, мы не могли спать по ночам и, прижавшись друг к другу, с тоской ждали рассвета, а днем просыпались от собственных криков, в который раз переживая все заново.

На наркоту нас посадил все тот же Ник. Он навещал нас время от времени и предложил лекарство от бессонницы. В то время мы, должно быть, мало напоминали людей: запуганные, без мыслей в голове из-за бессонницы, шатавшиеся от голода (есть мы тоже не могли, да и нечего было). Так что особо долго уговаривать не пришлось. И Ник стал нашим ненавистным спасителем, мы готовы были на что угодно, лишь бы удрать хоть ненадолго из этой реальности. Боль отступила, даже ненависть куда-то испарилась, осталось одно желание: избавиться от воспоминаний любой ценой. Почему Ник продолжал за нами приглядывать, более или менее понятно – наверное, все еще надеялся, что Пашка даст о себе знать. Но он не из тех, кто способен кого-то облагодетельствовать, так что очень скоро от нас потребовали отработать потраченные деньги. Впрочем, работа, по большей части, была несложной. Хотя

довольно грязной.

Так мы и жили, если это можно назвать жизнью, пока однажды... У Машки была ломка, а Ник не спешил ее осчастливить. Дразнил, как собачонку, заставляя то тявкать, то служить. Даже с мозгами, разжиженными наркотой, я почувствовала невыносимую боль. И тогда решила: я соскочу. И утром повторила это, глядя в зеркало. Я попробую. А если не смогу, убью Машку, а потом себя. Программа максимум. Как я буду убивать Машку, даже представлять не хотелось. Значит, надо соскочить. Если мне удастся, я ее вытащу.

К моему величайшему удивлению, Ник отнесся к данному намерению скорее с любопытством, чем с сомнением или насмешкой. Иногда я ловила на себе его взгляд – он точно приценивался ко мне. В общем, как ни странно это звучит, в нем я обрела поддержку. Потом, уже через несколько лет, Ник в припадке откровенности рассказал, что когда-то тоже был наркоманом. И смог завязать. И тогда ему было интересно, что выйдет из моей затеи.

– У меня есть домик на примете, в глухой деревушке. Заколочу ставни и дверь, чтобы ты выбраться не могла. Наберешь жратвы, воды побольше. Если месяц выдержишь, значит, есть шанс. Ну, так что? Рискнешь?

И я рискнула. Уходя, Ник бросил мне мобильный на колени.

– Будет тошно, звони, и я примчусь на крыльях любви.

О том месяце у меня остались довольно смутные воспоминания, редкие отчетливые картины и снова провалы. Наверное, я все-таки звонила. Почти уверена, что звонила, но Ник не приехал. Он появился ровно через месяц, взломал дверь, и я вернулась в этот мир похудевшей на двенадцать килограммов, с руками, искусанными в кровь, с запавшими глазами и меня самую удивлявшей жаждой жизни. Еще через два месяца я смогла прийти в норму. А потом Ник принялся натаскивать меня. Кого именно он из меня готовил, сообразить было нетрудно, но в тот момент мне было на это наплевать. Меня занимало только одно: вытащить Машку. Ник вновь проявил удивительную покладистость: Машку отправили в хорошую клинику. Но, вернувшись оттуда, продержалась она недолго. Мне было горько сознавать это, но Ник ее сломал. В том чертовом подвале она потеряла все, даже инстинкт самосохранения. Страх, что жил в ней с тех пор, был сильнее. Она смертельно боялась Ника, хуже того –

она боялась этой жизни. Жизни, где был он и ему подобные. И продолжала свой бег от них, теперь уже в одиночку.

Какое-то время я еще надеялась, пока не поняла, что по всем статьям проиграла. Ник мог добиться от меня чего угодно, шантажируя Машкой, и я вынуждена была терпеть его, терпеть уже на трезвую голову, со всей ясностью сознавая, что я в тупике. Выхода нет. Но даже эти мысли с некоторых пор почти не приносили боли. С болью свыкаешься. Остается только горечь...

Машка вернулась из кухни с сияющими глазами и виноватой улыбкой, устроилась в кресле и спросила:

– Тебя выгнали с работы? – Я кивнула в ответ, а в ее глазах мелькнул испуг. – Ник знает?

– Ага.

– Здорово злился?

– Он смог это пережить.

– И что теперь?

– Ничего. Ищу работу. На худой конец устроюсь дворником.

Машка весело фыркнула.

– Представляю тебя с метлой.

«Метла – не самое скверное в этой жизни», – мысленно решила я, но лишь улыбнулась. Машка допила шампанское, взглянула на часы и сказала жалобно:

– Пора.

Мы направились к двери.

– Давай закатимся в выходной в ресторан? Отметим день рождения как следует. Идет?

– Хорошо, – согласилась я.

– Что-нибудь случилось? – В ее взгляде вновь было беспокойство.

– Нет. Все в порядке.

– Я же вижу. Ты хмуришься, и взгляд отсутствующий.

– Кто-то убил Гороха, – вздохнув, все же сообщила я. – Зарезали в собственной квартире.

– И что ты думаешь? – Теперь Машка испугалась по-настоящему.

– Вряд ли это были грабители. Ничего из квартиры не пропало.

Машка, как и я, прекрасно понимала: грабители должны быть совершенными идиотами, чтобы решиться на такое, раз после этого им придется иметь дело с Ником.

– Что-то происходит? – Машка с трудом подбирала слова.

Я хотела рассказать ей о ментах на дороге, но о транспорте ей знать не полагалось, и я промолчала. И тут Машка задала вопрос, который, признаться, произвел впечатление:

– Но ведь Ник не думает, что ты к этому как-то причастна? Он ведь не может всерьез предположить... – Она точно споткнулась на середине фразы и теперь смотрела с испугом. У меня был растерянный вид, что ее и смутило.

– Он псих, но не идиот, – ответила я.

Мы простились, и Машка ушла. Она работала секретарем в администрации области. Разумеется, на работу ее устроил Ник, и не просто так. У Машкиного

босса были тесные связи с хозяевами Ника, но те ему, по какой-то причине, не доверяли, вот Машка за ним и шпионила, что было легче легкого: дядя пил неумеренно и в пьяном виде не только все выбалтывал, но и лишнего на себя наговаривал. Поэтому очень скоро на Машку возложили иные функции – присматривать за дядей и по возможности держать его подальше от посторонних, так что Машка совмещала все разом: была для него секретарем, любовницей, нянькой и «жилеткой», поскольку поплакаться на жизнь он любил так же, как и выпить. Поначалу Машка его терпеть не могла, так как он был намного старше, очень напоминал шимпанзе и ненавидел мыться. Но люди – существа загадочные, по крайней мере, быстро ко всему привыкающие, и Машка не только привыкла, но и, подозреваю, с некоторых пор питала к нему добрые чувства. О его здоровье пеклась вполне искренне, стыдилась своих еженедельных доносов Нику и с гордостью отмечала, что теперь шеф моется практически ежедневно. С таким видом обычно мамы сообщают, что их ребенок умеет пускать пузыри, и только им ведомо, что в этом такого выдающегося. Шеф – звали его Углов Борис Сергеевич, – разумеется, подозревал ее в шпионаже и поначалу даже поколачивал по пьяному делу, но Машка, не стесняясь, давала сдачи. Он присмирел, потом привык и теперь называл ее Мата Хари, скорее из вредности, причем в интонациях проскальзывало уважение. В общем, они были вполне счастливой парой.

Проводив Машку, я устроилась на диване и принялась разглядывать потолок. Интересовал он меня не то чтобы очень, просто требовалось подумать над словами Машки. Моя подруга сказала: «Надеюсь, Ник не думает, что ты имеешь к этому отношение». То есть что он не думает, будто именно я уколошила Гороха. Настораживало, что такая мысль пришла ей в голову. С ее точки зрения, Ник мог так решить? А что... Ник, в отличие от Машки, прекрасно знает, чем мне приходится заниматься, а Горох как раз один из тех семерых, что развлекались с нами. В этом свете дурацкие намеки Ника теперь вполне понятны. Очень может быть, что он всерьез подозревает меня. Я невольно усмехнулась: мстить каким-то придуркам через столько лет – затея совершенно идиотская. Я бы с удовольствием уколошила Ника, а не этих шестерок, таких же, как я сама, но кончина Ника весьма проблематична, я бы даже сказала, что надеяться на нее – совершенно дохлая затея, да и мое отношение к нему тоже претерпело изменения, так что убить его я мечтала скорее по привычке. С моей точки зрения, версия о моей причастности к убийству не выдерживала никакой критики. Но Нику ничто не мешало думать иначе. А если что-то взбрело ему в голову... Я почувствовала беспокойство и теперь взидала на потолок с суровостью. На мой взгляд, логичнее связать убийство с тем, что произошло на дороге. Происки конкурентов? Я стала перебирать возможные варианты. Не так-

то много их оказалось.

Глаза мои начали слипаться, и в конце концов я уснула, но последняя мысль была вполне отчетливой: «Придется заняться этим убийством».

Меня разбудил телефонный звонок. Я машинально взглянула на часы, не торопясь сняла трубку. Голос Ника звучал деловито, но вполне по-человечески, то есть у меня не создалось впечатления, что он сиюминутно готов разорвать меня на куски, и я тут же мысленно поздравила себя с большим везением.

– Ты что, спишь? – спросил он.

– А что, нельзя?

– Не представляешь, как я страдаю, что вынужден нарушить твой покой... – Однако на сей раз он был не расположен дурачиться, потому что продолжил со вздохом: – Я подъеду через десять минут. Выходи.

Спрашивать, зачем я ему понадобилась, я не стала, он этого терпеть не мог. Прошла в ванную, умылась и вскоре покинула квартиру. Машина Ника замерла возле подъезда, я села рядом с ним, но он не спешил трогаться с места.

– Кстати, – сказал с улыбкой, – почему на день рождения не приглашаешь?

– Ради бога, только с подарком.

– А как же моя большая любовь? Это же лучший подарок! Скажешь, нет?

– Разумеется. Ты смог произвести впечатление. Я и не представляла, что тебе известна дата моего рождения.

– Мне известно все, – изрек он с самодовольством.

– Я не так выразилась. Я не предполагала, что ты о нем вспомнишь.

– Сомневаешься в моих чувствах?

– Нет. Просто я сама о нем забыла.

– Значит, со мной ты по-настоящему счастлива? – хихикнул он. – Года бегут, а ты этого не замечаешь.

– Можем выпить сегодня, – предложила я.

– Я не пью, – ответил Ник серьезно.

– Давно?

– Третий день.

– Бедняга.

– Сам себя жалею. Сегодня один человечек мне шепнул занятное, – нахмурился Ник, а я насторожилась, стало ясно: дурака валять он перестал и заговорил серьезно. – Гороха видели в трактире на Ивановской.

Я пожала плечами. В трактире любили тусоваться ребята Архипа, но я все же сказала:

– В конце концов, это просто кабак, почему бы и не зайти?

– Ты многих наших там видела?

– Я избегаю мест, где могу увидеть родные лица.

– Допустим, он забрел в кабак случайно, хотя я склонен думать иначе.

– А может, твой человечек чего напутал? – спросила я, потому что в подобных случайностях тоже сомневалась.

– Возможно, – пожал Ник плечами.

Его исключительная покладистость настораживала. Много бы я дала за то, чтобы узнать, какие мысли бродят сейчас в его голове. Причем почему-то зрела уверенность, что мне они по душе не придутся.

Если Ник меня подозревает, все кончится скверно. Разубедить его в чем-либо возможным не представлялось, оставалось одно: самой попытаться выяснить, что или, точнее, кто стоит за этими событиями. Дело, конечно, не простое, но и не совсем безнадежное, значит, надо попытаться.

– О чем задумалась? – спросил Ник, и я поняла, что он уже некоторое время с любопытством наблюдает за мной.

– Если честно, в предательстве Гороха я сильно сомневаюсь, – сказал я. – Он трусоват и вряд ли бы рискнул...

– Трусоват – это верно. Так что, если на него надавили...

– Он же знал, чем это кончится, – гнула я свое.

– На мой взгляд, Горох еще и туповат. Если быть до конца откровенным, не часто встретишь такого придурка. Я не прав?

– Допустим. Но стремления к самоубийству я в нем не замечала.

– Придется тебе наведаться в тот кабак, – по-прежнему приглядываясь ко мне, сказал Ник. – Познакомишься с парнями, потолкуешь о том о сем...

– Ты серьезно? Они же в два счета сообразят...

– Да ради бога, – перебил Ник. – Посмотрим, что из этого выйдет.

– Мне что, сейчас туда идти? – буркнула я. Смысла в его затее я не видела, но с Ником не поспоришь.

– Подождет, – отмахнулся он и выдал свою лучшую улыбку. – Приглашаю тебя в гости. Посмотришь, как я живу...

Что-то новенькое. За все время нашей нежной дружбы Нику не приходило в голову сделать мне подобное предложение, я даже не знала, в каком районе он живет, и сразу начала прикидывать, с чего вдруг такая доброта. Ник, точно читая мои мысли, засмеялся и сказал:

– Считай это актом доброй воли.

«Как бы не так», – подумала я и широко улыбнулась.

– Ты вторично смог произвести впечатление. – Может, ты и вправду влюбился? Говорят, такое бывает.

– Чего в жизни не бывает, – согласился он, наконец-то трогаясь с места.

Ник жил в очень приличном доме, в центре города. Наличие у него дорогой квартиры не удивило, хотя я была уверена, что он равнодушен к среде обитания. Оттого стильная мебель, наборный паркет, фрески на потолке и стенах и общая площадь где-то около трехсот квадратных метров слегка изумляли. Понаблюдав за моей реакцией, Ник хихикнул:

– Квартира досталась мне по наследству. Один придурок мне сильно задолжал, и мы заключили с ним сделку. По-моему, он был счастлив, избавившись от этих хвором. Если честно, я редко углубляюсь так далеко. Живу в основном на кухне.

Он точно оправдывался. Что тоже удивило. Кухня не производила впечатления музея, то есть имела вполне жилой вид и поражала только чистотой и обилием посуды.

– Я люблю готовить, – заявил Ник, чем сразил меня наповал. После чего достал из духовки гуся и торжественно водрузил на стол. – Это вкусно. Тебе понравится.

– Если ты скажешь, что расстарался для меня, я все равно не поверю.

– Напрасно, – вновь хихикнул он. – Когда я говорю, что моя любовь к тебе не знает границ, это надо понимать буквально.

Он быстро сервировал стол, на мое предложение помочь махнул рукой, открыл бутылку вина, разлил в бокалы и торжественно провозгласил:

– Твое здоровье.

– Спасибо, – ответила я, зная не зная, чего следует ждать от жизни.

Гусь удался на славу. Мы пили вино, ели с аппетитом и присматривались друг к другу. Мое недоумение доставляло Нику удовольствие.

– Гадаешь, что на меня нашло? – спросил он, опередив меня ровно на мгновение, я сама собиралась спросить его об этом.

– Еще бы, – кивнула я.

– А ты мне в самом деле нравишься. Вот я и подумал, почему бы нам не посидеть просто так... – Он улыбнулся, явно не рассчитывая, что я ему поверю. – Что скажешь?

– Ничего, – покачала я головой. – Если у тебя что-то на уме, мне ты все равно не скажешь. Остается ждать, что из этого получится.

– Значит, в мою большую любовь ты упорно не веришь? – усмехнулся он.

– Если ты валяешь дурака, этому должна быть причина, – вздохнула я.

– В самую точку, – кивнул он и заговорил серьезно: – Грядут перемены. Не спрашивай, какие, я и сам не знаю, но чувствую. И недавняя история только начало. Времена меняются. Наш с тобой хозяин слишком долго обирает город, ни с кем не считаясь. И кому-то это надоело. Более того – этот кто-то почувствовал в себе силы ситуацию изменить.

– И как это может отразиться на мне? – пожала я плечами.

– Хороший вопрос, – улыбнулся Ник. – Генералы редко погибают на войне, а вот такие, как мы... Не пора ли задуматься о собственном будущем?

– Не поверю, что раньше оно тебя не заботило.

Он опять кивнул с серьезной миной.

– Кто предупрежден, тот вооружен, – процитировал он. – Приглядывай за парнями. При мне они держат язык за зубами, а тебя не стесняются. Горох только первая ласточка, помни об этом. – Он взглянул на часы и продолжил: – В 21.00 ты должна быть в баре «Аргонавты». Тебя там будет ждать Витька Одинцов. Помнишь его?

– Помню, – кивнула я.

Ник прошел к шкафу и вернулся с фотографией. Положил ее передо мной. На фотографии симпатичный мужчина лет тридцати. Я подняла взгляд на Ника.

– Журналист, работает в «Вечерке». Ты знаешь, как я отношусь к тому, что писатели изводят бумагу тоннами. Но хозяева решили, что парень перегнул палку. Он их утомил.

– И что? – спросила я, выждав время.

– Не стоит давать повод его друзьям считать парня борцом за правое дело. Че Гевара снова в моде, от борцов и так отбоя нет. Хозяев вполне устроит пьяная драка, в результате которой он получит черепно-мозговую травму, несовместимую с жизнью.

Комментировать его слова я не стала, так же как и задавать вопросы, просто сидела и смотрела на него, ожидая, что он еще скажет. Но и он не хотел быть многословным, улыбнулся и пожал плечами:

– Действуй.

По дороге в бар я размышляла о загадочном поведении Ника. Не знаю, что меня больше смущало: приглашение в гости или его намеки на грядущие перемены. В конце концов я решила, что Ник затеял очередную проверку на вшивость, а приглашение в гости – внезапный каприз. Но спокойнее на душе от этого не стало.

Витька сидел в глубине зала и с унылым видом разглядывал пустой бокал. Я устроилась рядом, он поднял голову и сказал:

– Можем сделать это завтра. Парень не женат и почти каждый вечер торчит в баре за углом, где собираются любители футбола. Рядом парк, до десяти там только собачники, а позднее вообще ни души. Твое дело привести его туда. Не знаю, на кой черт такие заморочки... – проворчал он в досаде. – Что скажешь?

– Ничего, – ответила я. – Будем выполнять порученное дело.

Двадцать минут ушло на обсуждение деталей, я непроизвольно морщилась. Разумеется, мне все это мало нравилось. Допустим, познакомиться с парнем не проблема, но он может быть не один, или у него не возникнет желания покидать бар, чтобы провести вечер в моих объятиях (вдруг он терпеть не может блондинок?), но дискутировать по этому поводу я не собиралась. Приказы Ника следует выполнять, так что понапрасну сотрясать воздух словесами ни к чему.

И я отправилась в бар за углом. Забегаловка оказалась так себе, основное достоинство – огромный телевизор, на который посетители и пялились. Крутили какой-то матч, но, судя по царившему спокойствию, игра особо интересной не представлялась. Публики было немного, в большинстве молодые люди, но за столиком возле окна я заметила двух девушек. Они стреляли глазами, не обращая внимания на экран, а мужская часть посетителей, из-за которой они сюда и явились, по неведомой причине упорно не обращала внимания на них.

Очень может быть, что мне тоже не повезет. Обстановка царила на редкость мирная, к дракам ничто не располагало. Поскучав в одиночестве минут пятнадцать и успев за это время выпить кофе, я решила, что первоначальный замысел стоит подкорректировать. Шоу не получится таким зрелищным, как планировалось вначале, зато больше шансов осуществить порученное дело.

Вернувшись к Витьке, я изложила свои соображения. Он немного подумал и со мной согласился. Мы простились до завтрашнего вечера, и я отправилась домой пешком.

Свернув с проспекта, обратила внимание на машину – она малой скоростью двигалась сзади. Я нырнула в переулок, а когда выбралась на проспект, вновь увидела ту же машину. В другое время я бы вряд ли обратила на нее внимание, не тот я человек, чтобы кто-то тратил на меня время и бензин, но в свете последних событий стоило задуматься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/tatyana-polyakova/noch-poslednego-dnya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)